VITALIY NOSACHEV

ПЫЛЬ и НЕОН

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕДНИЕ СВОБОДНЫЕ

Vitaliy Nosachev

ПЫЛЬ И НЕОН.ПОСЛЕДНИЕ СВОБОДНЫЕ

«Автор»
2026

Nosachev V.

ПЫЛЬ И НЕОН.ПОСЛЕДНИЕ СВОБОДНЫЕ / V. Nosachev — «Автор», 2026

В мире, где корпорации владеют всем, свобода стала самым опасным преступлением. 2091 год. После разрушительных войн человечество разделилось на два мира. В одном — сверкающие неоном мегаполисы, где за безопасность приходится платить полной покорностью. В другом — бескрайние пустоши Красного пояса, где закон пишут оружием, а за глоток чистой воды готовы убивать.Клэй Уорд — бывший солдат, ставший предводителем банды изгоев. Он не мечтает о революции. Ему нужен лишь дом, в котором его люди смогут жить без страха.История о предательстве, верности, борьбе за свободу и цене, которую приходится платить за право выбирать собственную судьбу.

© Nosachev V., 2026
© Автор, 2026

Vitaliy Nosachev
ПЫЛЬ И НЕОН.ПОСЛЕДНИЕ СВОБОДНЫЕ

ВИТАЛИЙ НОСАЧЁВ
ПЫЛЬ И НЕОН
Книга первая
ПОСЛЕДНИЕ СВОБОДНЫЕ
Роман

Оглавление

Глава 1. Люди, которым некуда возвращаться
Глава 2. Мёртвые по документам
Глава 3. Посёлок, который молчал
Глава 4. Десять минут до тишины
Глава 5. Те, кто остаётся у костра
Глава 6. Охота начинается
Глава 7. Чужие имена
Глава 8. Человек, которому верили
Глава 9. Долг, который не забывают
Глава 10. Город, которого нет
Глава 11. У каждого города есть свои призраки
Глава 12. Последняя дорога на запад
Глава 13. Город мёртвых огней
Глава 14. Те, кто ждал возвращения
Глава 15. Имя, которое не должно было появиться
Глава 16. Старые долги
Глава 17. Последний выбор Кроу
Глава 18. Голос из прошлого
Глава 19. Башня забытых сигналов
Глава 20. Цена правды
Глава 21. Совет свободных
Глава 22. Вода дороже крови
Глава 23. Сухой сезон
Глава 24. Трещины в союзе
Глава 25. Кольцо вокруг шахт
Глава 26. Суд над свободой
Глава 27. Человек за дверью
Глава 28. Сердце системы
Глава 29. Сорок восемь часов
Глава 30. Последние свободные

Глава 1

Люди, которым некуда возвращаться

Клэй Уорд проснулся от того, что кто-то пытался украсть его ботинки.

Он открыл один глаз.

Над ним стоял Томас Рид, известный среди своих как Шестерня, и с самым невинным выражением лица тянул с ноги Клэя старый кожаный сапог.

— Ты совсем обнаглел? — спросил Клэй.

Томас замер.

— Я проверял, насколько крепко ты спишь.

— И как результаты?

— Печальные. Человек с такой реакцией не должен владеть оружием.

Клэй сел и схватил Томаса за ворот комбинезона.

— А человек с такими руками не должен приближаться к чужим вещам.

— Вообще-то это был научный эксперимент.

— Сейчас будет медицинский.

Томас рассмеялся и вывернулся из захвата. Его металлическая рука щёлкнула, когда он поправлял ремень с инструментами.

— Ладно, ладно. Зик велел тебя разбудить. Говорит, пора зарабатывать на жизнь.

— Передай Зику, что я умер.

— Передавал. Он сказал, что ты и при жизни бесполезен.

Клэй вздохнул.

В лагере уже начиналось утро.

Заброшенная метеостанция располагалась в глубине Красного пояса, среди выжженных холмов и скал, которые ветер за столетия превратил в гигантские надгробия. Когда-то здесь измеряли погоду и предупреждали города о песчаных бурях. Теперь на ржавой антенне висело выцветшее знамя с изображением чёрного ворона.

Это был знак банды Зика Кроу.

Внизу, между покосившимися трейлерами, Наоми Брукс разливала по металлическим кружкам горячий синтетический кофе. Двое новичков спорили из-за последней пачки табака. У костра сидела Мариса и проверяла барабан своего револьвера. Итан Роу возился с мотоциклом, ругаясь так, словно лично знал каждого инженера, когда-либо работавшего над его двигателем. Для любого постороннего это место выглядело бы помойкой.

Для Клэя оно было домом.

Не лучшим домом на свете. Здесь протекали крыши, вода пахла ржавчиной, а зимой холод пробирался даже сквозь армейские одеяла. Иногда они неделями питались консервами, а если генератор ломался, то весь лагерь погружался в темноту. Но здесь никто не требовал от Клэя ежемесячно подтверждать право на существование. Здесь никто не мог отключить ему сердце за просроченный кредит.

Пока что.

— Ты опять не спал? — спросила Мариса, не поднимая глаз.

Клэй остановился рядом с ней.

— Спал.

— У тебя под глазами такие мешки, будто ты контрабандой провёз двух мертвецов.

— Только одного. Второй сам напросился.

Мариса усмехнулась.

Они знали друг друга девять лет. Она видела Клэя пьяным, раненым, злым и совершенно сломленным. Видела, как он вытаскивал людей из горящих зданий и как однажды оставил вооружённого человека умирать в пыли, потому что тот угрожал их семье. Она знала о нём больше, чем любой другой человек.

И всё равно не знала, почему иногда по ночам Клэй разговаривал во сне.

— Зик ждёт, — сказала она. — И он не в настроении.

— Когда он был в настроении?

— Вчера. Когда решил, что мы наконец разбогатеем.

Клэй посмотрел в сторону центрального трейлера.

— Мы разбогатеем?

— Конечно. У нас есть три сломанных мотоцикла, половина генератора и Шестерня, который ворует ботинки.

— Тогда чего нам не хватает?

— Здравого смысла.

Мариса убрала револьвер в кобуру и поднялась.

— Сегодня большой день, Клэй. Постарайся хотя бы не убить никого из наших.

— Ничего не обещаю.

— Вот поэтому я и проверяю барабан.

Она направилась к трейлеру, а Клэй остался у костра.

На горизонте медленно поднималось искусственное солнце. Его свет был слишком белым, слишком ровным, лишённым настоящего утреннего тепла. Вдалеке, за горами, сиял Найт-Сити — город, в котором никогда не выключались огни. Клэй смотрел на него и думал о том, что однажды они всё-таки уедут.

Найдут землю у воды. Построят дом. Посадят дерево, которое не будет расти из отравленной почвы. Он повторял себе эту мечту столько лет, что почти перестал замечать, насколько она похожа на ложь.

— Уорд!

Голос Зика заставил его обернуться.

— Если ты закончил любоваться проклятым городом, зайди сюда!

Клэй поправил кобуру и пошёл к трейлеру.

Он ещё не знал, что к вечеру его мечта перестанет существовать.

И что впервые в жизни у него появится причина не бежать.

Внутри трейлера пахло табаком, машинным маслом и старой бумагой.

Зик Кроу сидел за столом, который когда-то принадлежал начальнику метеостанции. Перед ним лежала развёрнутая карта железных дорог Красного пояса. Поверх карты стояли три кружки, пустая бутылка виски и маленькая голографическая модель бронепоезда. Сам Зик выглядел так, словно его собрали из частей нескольких разных людей. Широкие плечи, седая борода, глубокий шрам на подбородке. Левое ухо было искусственным, а вместо двух пальцев на правой руке торчали металлические протезы. Он носил старую шляпу даже в помещении.

Говорил, что без неё чувствует себя голым.

— Садись, — приказал Зик.

Клэй сел напротив.

У стены стоял Итан. Рядом с ним расположился Томас, который уже успел вытащить из кармана чужую отвёртку. Мариса прислонилась к дверному косяку. Наоми осталась снаружи: она не любила участвовать в обсуждении преступлений, хотя именно ей потом приходилось лечить их последствия.

Зик ткнул пальцем в карту.

— Завтра в шестнадцать сорок через перевал проходит поезд корпорации «Гелиос». В составе двенадцать вагонов, два охранных локомотива и один грузовой модуль повышенной защиты.

— Что везут? — спросил Клэй.

— Кредиты, медицинские импланты и аккумуляторные блоки.

Томас оживился.

— Аккумуляторные блоки? Какие именно?

— Такие, за которые можно купить новую мастерскую и перестать слушать, как ты жалуешься на старую.

— Я не жалуюсь. Я указываю на системные недостатки.

— Ты три дня чинил один чайник.

— У него был сложный характер.

Клэй не улыбнулся.

— Сколько охраны?

— Шестнадцать человек в сопровождении. Возможно, больше.

— А сколько у нас людей?

— Девять, если считать Итана.

— Я всё слышу, — возмутился тот.

— Это и есть твоя главная проблема, мальчик, — сказал Зик. — Ты всё слышишь, но редко понимаешь.

Клэй наклонился над картой.

— Где остановка?

Зик увеличил голограмму. Между двумя скальными грядами появилась узкая полоса железной дороги. По обеим сторонам тянулись обрывы, а впереди виднелась старая станция технического обслуживания.

— Здесь поезд замедляется перед подъёмом. Дальше идёт участок открытой местности. Если мы хотим забрать груз, это наш единственный шанс.

— А если он не замедлится?

— Тогда нам придётся импровизировать.

— Твоя любимая часть плана.

Зик откинулся на спинку стула.

— Клэй, ты ведь знаешь, почему я собрал вас всех?

— Потому что у тебя отвратительный характер и никто другой не согласился бы работать рядом?

— Потому что однажды я поверил человеку, который сказал, что этот мир можно изменить.

В комнате стало тихо.

Зик редко говорил о прошлом. Обычно он отшучивался, наливал себе виски и переводил разговор на что-нибудь другое.

— Я был моложе тебя, — продолжил он. — Тогда ещё существовали профсоюзы. Люди могли бастовать. Могли отказываться работать. У них были права, за которые не приходилось платить каждый месяц. Мы думали, что если объединиться, то никакая корпорация не сможет заставить нас встать на колени.

Он усмехнулся.

— Потом они отключили электричество в нескольких городах. Просто нажали кнопку. Через три дня люди сами привели своих лидеров к воротам. Просили вернуть свет. Через неделю согласились на любые условия.

— И ты решил стать бандитом? — спросил Итан.

— Нет. Я решил остаться свободным.

— И как успехи?

Зик посмотрел на него.

— Я ещё здесь.

Итан отвёл взгляд.

Клэй снова посмотрел на карту.

— Хорошо. Мы берём груз, продаём импланты, покупаем аккумуляторы и уезжаем. Никаких героических речей, никаких попыток свергнуть корпорацию. Просто работа.

Зик медленно кивнул.

— Конечно, Клэй.

Но в его голосе было что-то такое, что Клэй не заметил или не захотел замечать. На следующий день ветер принёс запах грозы.

В Красном поясе дождь был редкостью. Иногда облака появлялись на горизонте, собирались в тяжёлые тучи и исчезали, словно кто-то наверху передумывал. Но сегодня небо действительно темнело.

Банда выехала из лагеря до полудня.

Четверо отправились на мотоциклах, трое — на старом грузовике, остальные верхом. Лошади были генетически адаптированы к жаре и нехватке воды, однако даже они не любили долгие переходы по каменистой местности.

Клэй ехал впереди.

Ветер бил в лицо, забивался под воротник и поднимал за ним облака пыли. Вдалеке виднелись останки рекламных башен, а на склоне холма стоял ржавый робот-дорожник. Его манипулятор всё ещё держал сломанный дорожный знак. ДАЛЕЕ — ТЕРРИТОРИЯ КОРПОРАЦИИ «ГЕЛИОС».

Кто-то написал под ним краской: «А ЕСЛИ НЕ ХОЧУ?»

Клэй усмехнулся.

— Хороший вопрос, — пробормотал он.

К полудню они добрались до заброшенной станции.

Когда-то здесь обслуживали железнодорожные составы. Теперь от здания остались только стены, покрытые пылью и следами пуль. Под навесом стояли несколько списанных вагонов. Внутри одного из них Томас нашёл старую систему связи и немедленно принялся разбирать её, несмотря на возражения Марисы.

— Ты уверен, что она работает? — спросила она.

— Конечно.

— В прошлый раз ты тоже был уверен.

— В прошлый раз устройство работало.

— Оно взорвалось.

— Оно работало очень недолго.

Мариса покачала головой и отошла к Клэю.

— Мне не нравится это место.

— Тебе никогда ничего не нравится.

— Мне нравятся вещи, которые не пытаются нас убить.

— Тогда ты выбрала неправильную профессию.

Она не ответила.

Вместо этого достала из кармана маленькую фотографию. Снимок был старым, выцветшим, сделанным ещё до войны. На нём стояли молодая Мариса и мужчина в светлой рубашке.

Клэй никогда не спрашивал, кто он.

— Когда всё закончится, — тихо сказала она, — я хочу уехать на север.

— Там холодно.

— Там есть реки.

— Здесь тоже есть реки. Просто они закончились.

— Вот именно.

Она убрала фотографию.

— Я серьёзно, Клэй. Я устала жить так, будто завтра нас обязательно убьют.

Он посмотрел на неё.

— Завтра нас не убьют.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу. Я же лидер. Мне положено говорить глупости с уверенным лицом.

Мариса невольно улыбнулась.

На секунду всё стало почти нормальным.

Потом из грузовика вышел Итан.

— Поезд будет через двадцать минут.

Он держал в руке небольшой терминал. Экран мигал зелёным.

— Томас подключился к старой диспетчерской сети. Мы видим состав и скорость.

— Хорошо, — сказал Клэй. — Все по местам.

Люди разошлись.

Клэй остался у края станции, глядя на рельсы.

Он не любил ограбления поездов. Слишком много случайностей, слишком мало пространства для ошибок. Но обычные налёты больше не приносили достаточно денег. В Красном поясе всё дорожало: вода, еда, лекарства, даже патроны. А за долги корпорации забирали людей.

Неделю назад они увезли семью из соседнего поселения. Муж задолжал за имплант, который получил после аварии на шахте. Когда он умер, долг перешёл жене. Когда она не смогла платить, корпорация забрала её детей.

Законно.

По контракту.

С подписью каждого члена семьи.

Клэй тогда ничего не сделал.

У них не было оружия, людей и плана. Только девять голодных бандитов и лагерь, который нужно было защищать. Он сказал себе, что однажды они смогут помочь.

Однажды.

Это слово преследовало его всю жизнь.

Сначала появился звук.

Низкий гул прокатился по долине, заставив дрожать стёкла разбитых окон. Затем на горизонте возникли два локомотива, покрытые бронёй и корпоративными эмблемами. Поезд двигался медленно, выпуская из вентиляционных труб белый пар.

На бортах вагонов светились рекламные надписи: «ГЕЛИОС». ВАШЕ БУДУЩЕЕ — НАША ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

— Какая трогательная забота, — прошептал Томас.

Клэй поднял руку.

Все замерли.

Поезд приближался.

План был простым: вынудить состав остановиться, забрать деньги и оборудование, затем уйти до прибытия подкрепления. Никто не должен был погибнуть, если всё пойдёт как задумано. Но планы редко переживали первую встречу с реальностью.

Когда первый локомотив поравнялся со станцией, Клэй заметил на его крыше дополнительную антенну. Он никогда раньше не видел такого оборудования.

— Томас, — сказал он в передатчик. — Что это за антенна?

Ответа не было.

— Томас, приём.

В динамике раздался треск.

Затем голос механика:

— Клэй, у нас проблема.

— Какая?

— Этот поезд не зарегистрирован в обычной диспетчерской сети.

— И что это значит?

— Это значит, что он не должен здесь находиться.

Клэй посмотрел на приближающийся состав.

На крыше второго локомотива вспыхнули красные огни.

Один за другим.

Как глаза огромного металлического зверя.

— Всем отходить! — крикнул Клэй.

Но было поздно.

Поезд резко затормозил.

Вагоны остановились прямо перед станцией. Бронедвери открылись одновременно, и на землю спрыгнули вооружённые солдаты в чёрной броне. На их груди не было знаков «Гелиоса».

Только белый круг с вертикальной линией посередине.

Зик вышел из укрытия, держа винтовку.

— Это ещё что за хрень?

Один из солдат поднял громкоговоритель.

— Клэй Уорд. Приказом корпоративного совета вы объявлены вне закона. Сложите оружие и отойдите от транспортного состава.

Клэй почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Они знали, что мы здесь, — произнесла Мариса.

— Да, — ответил он.

Солдат продолжил:

— Ваше сопротивление будет расценено как террористический акт. Любые лица, оказывающие вам помощь, подлежат задержанию.

Клэй посмотрел на своих людей.

На Зика, который впервые за много лет выглядел по-настоящему старым.

На Томаса, сжимающего металлическую руку.

На Итана, пытающегося скрыть страх за привычной усмешкой.

На Марису, уже доставшую револьвер.

И вдруг понял, что они больше не могут просто уехать.

Если они сдадутся, корпорация заберёт их по одному. Если убегут, за ними начнут охотиться по всему Красному поясу. А если начнут сопротивляться, их назовут врагами всего человечества.

Зик повернулся к нему.

— Ну что, Клэй? Какой у нас план?

Клэй медленно достал револьвер.

— Для начала переживём ближайшие пять минут.

— А потом?

Клэй посмотрел на бронепоезд, на солдат, на сияющую вдали башню корпоративной связи.

— А потом выясним, кто решил, что может указывать нам, как жить.

Он поднял оружие.

И началась стрельба.

Глава 2

Мёртвые по документам

Первый выстрел разбил окно диспетчерской будки.

Клэй пригнулся. Осколки посыпались на плечи, а над головой пронёсся сухой треск автоматной очереди. Он перекатился за бетонный блок и увидел, как двое солдат в чёрной броне занимают позиции возле локомотива. Они двигались быстро, без криков и лишних жестов, будто репетировали эту сцену сотни раз. Это была не обычная охрана поезда. Обычные охранники кричали, нервничали и пытались выглядеть храбрее, чем были на самом деле. Эти не тратили сил даже на угрозы.

— Не высовывайтесь! — крикнул Клэй.

Слева от него грохнул дробовик Зика. Один из солдат упал за колесо вагона. Второй мгновенно отступил, не пытаясь ответить огнём.

— Они нас прижимают! — донёсся голос Итана по рации.

— Тогда перестань стоять на открытом месте!

— Я не стою! Я тактически перемещаюсь!

— Перемещайся за укрытие!

Клэй выглянул из-за бетонного блока. Между станцией и поездом лежала открытая полоса земли. До грузовика было метров двадцать, но пересечь их под огнём означало подарить противнику прекрасную мишень. Позади тянулся узкий технический проход, уходивший в сторону сухого русла. Их путь к отступлению ещё оставался открытым. Пока.

— Мариса! Где ты?

— Здесь.

Она ответила так спокойно, будто они обсуждали погоду. Клэй увидел её за опрокинутой тележкой: Мариса прикрывала Томаса, который пытался оживить переносной терминал. Металлическая рука механика дёргалась от перегрева.

— Скажи, что у тебя есть хорошие новости! — крикнул Клэй.

— У меня есть новости!

— Хорошие?

— Не хочу вводить тебя в заблуждение!

С очередным залпом воздух наполнился запахом раскалённого металла и пыли. На другом конце станции один из новичков бросился к грузовику. Он сделал всего три шага, прежде чем его сбило с ног. Второй попытался вытащить товарища, но Зик рявкнул ему приказ оставаться на месте. Клэй увидел кровь на рукаве раненого.

И понял, что их план уже умер.

— Отходим к руслу! — приказал он. — По двое. Не бросать раненых!

— А груз? — крикнул Итан.

— Забудь про груз!

— Но мы ради него сюда приехали!

— Итан, если ты ещё раз спросишь про груз, я лично оставлю тебя здесь охранять каждый проклятый вагон!

На этот раз Итан не ответил.

Мариса первой выскочила из укрытия, прикрывая отход Томаса. Клэй дождался, пока они доберутся до прохода, затем рванул следом. Пули ударяли в камень рядом с его ногами. Одна прошла так близко, что он услышал её свист.

У края сухого русла Клэй обернулся.

Зик всё ещё оставался у станции.

Старик стоял за колесом списанного вагона, стреляя короткими очередями. Его шляпа слетела с головы и покатилась по пыли. Он даже не посмотрел ей вслед.

— Зик! — заорал Клэй.

— Уходи!

— Мы не уйдём без тебя!

— А я не собираюсь умирать ради твоего красивого обещания!

Старик выстрелил ещё раз, затем бросился к проходу. На последнем участке он споткнулся, упал на колено и с трудом поднялся. Клэй схватил его за ремень и почти силой втянул в сухое русло.

— Ты стал медленным, — выдохнул Зик.

— А ты стал тяжёлым.

— Старость. Очень неудобная болезнь.

Они бежали, пока стрельба не превратилась в далёкий грохот. За поворотом русла их ждал грузовик. Томас добрался до кабины первым и уже пытался завести двигатель.

— Если он не заведётся, — сказал он, — я официально отказываюсь считать себя его владельцем.

Двигатель кашлянул, заскрежетал и наконец взревел.

— Видишь? — крикнул Томас. — Он меня любит!

— Он боится тебя, — сказала Мариса, затаскивая раненого на заднее сиденье.

Клэй забрался в кабину последним. Он посмотрел на станцию, скрытую за каменными стенами. Солдаты не преследовали их. Не было слышно ни моторов, ни команд, ни даже обычного шума погони. Это тревожило сильнее, чем стрельба.

— Почему они не идут за нами? — спросил он.

Зик тяжело дышал, прижимая ладонь к боку. Между пальцами темнела кровь.

— Может, решили, что мы им больше не нужны.

— Люди не устраивают такую засаду, чтобы потом просто отпустить свидетелей.

— Тогда, парень, нам стоит выяснить, зачем мы им понадобились.

Грузовик рванул вперёд, поднимая за собой облако красной пыли.

За спиной остался поезд. Вместе с ним — деньги, оборудование и последняя надежда Клэя закончить эту жизнь без большой войны. Но он ещё не знал, что на борту осталось кое-что гораздо ценнее груза.

И что кто-то уже сделал всё возможное, чтобы эта вещь попала именно к нему.

***

К вечеру они добрались до старой насосной станции, спрятанной между скалами. Когда-то она качала воду в шахтёрский посёлок. Теперь из труб торчали сухие корни, а на стенах висели предупреждения об опасности заражения. Наоми обработала рану Зика прямо на полу грузовика. Пуля прошла по касательной, оставив глубокую борозду на боку. Старик ругался так громко, что даже Итан перестал шутить.

— Если будешь дёргаться, я зашью тебя вместе с рубашкой, — предупредила Наоми.

— Я не дёргаюсь.

— Ты пытаешься ударить меня ногой.

— Это непроизвольная реакция.

— Тогда я непроизвольно использую больше обезболивающего. И оно будет стоить тебе две недели жалоб.

Зик замолчал.

Клэй стоял у входа, наблюдая за дорогой. На западе сгущались тучи. Ветер наконец принёс дождь, но капли были редкими и тёплыми, оставляя на пыли тёмные точки.

Мариса подошла к нему.

— Ты мог уйти раньше, — сказала она.

— И оставить Зика?

— Ты мог приказать ему отступить.

— Он бы не послушал.

— Ты всё равно должен был попробовать.

Клэй ничего не ответил.

— Ты не обязан спасать всех, — продолжила Мариса. — Но ты обязан решить, ради чего мы рискуем собой.

— Мы рисковали ради денег.

— Нет. Ты рисковал ради того, чтобы однажды уехать. Это не одно и то же.

Он посмотрел на неё. На её лице не было упрёка, только усталость.

— Я не просила тебя быть героем, Клэй, — сказала она. — Я просила тебя быть честным.

Она вернулась к остальным, оставив его наедине с дождём.

Внутри насосной Томас наконец запустил терминал, который успел прихватить со станции. Экран мерцал, показывая фрагменты повреждённых данных. Большая часть файлов была зашифрована, но один каталог оказался доступен без пароля.

На экране появились имена.

Десятки имён.

Рядом с каждым стоял статус: «Смерть подтверждена». Ниже указывались дата, место и причина смерти. Одни погибли в шахтёрских авариях, другие — во время беспорядков, третьи — от болезней, которые официально считались побеждёнными.

— Это список захоронений? — спросил Итан.

Томас покачал головой.

— Нет. Посмотри на даты.

Клэй подошёл ближе.

Первое имя было датировано прошлым месяцем. Последнее — сегодняшним утром.

— Они записывают людей мёртвыми заранее? — спросила Мариса.

— Похоже на то.

Наоми перестала собирать инструменты.

— Может, это ошибки в реестре.— Ошибки не требуют вооружённого сопровождения, — ответил Томас.

Он открыл следующую запись. На экране появился короткий видеоролик: женщина в серой одежде сидела на металлическом стуле. Её руки были пристёгнуты к подлокотникам. За спиной виднелось белое помещение без окон.

Женщина смотрела прямо в камеру.

«Меня зовут Элена Восс. Если кто-то увидит эту запись, значит, они не успели стереть всё. Людей не убивают. По крайней мере, не всех. Их лишают личности, аннулируют документы, стирают цифровые следы. Для мира они умирают. А потом их отправляют туда, откуда никто не возвращается».Запись оборвалась.

Никто не произнёс ни слова.

Клэй почувствовал, как по спине прошёл холод, хотя в насосной было душно.

— Кто такая Элена Восс? — спросил он.

Томас проверил данные.

— Бывший аналитик корпоративного совета. Пропала восемь месяцев назад. По официальным сведениям, погибла при взрыве лаборатории.

— А поезд? — спросил Зик, появившийся в дверях с перевязанным боком.

Томас увеличил карту маршрута.

— Он не должен был идти через нашу станцию. Его настоящий маршрут проходил на север, к закрытому объекту в пустошах. Кто-то изменил данные в диспетчерской системе так, чтобы мы получили ложную информацию.

Клэй смотрел на список.

Сотни имён. Возможно, тысячи. Люди, которых объявили мёртвыми, пока они ещё дышали. Он вспомнил семью из соседнего поселения. Детей, которых увезли за долги. Мужчину, который просил помощи у ворот лагеря и обещал отдать всё, что у него осталось.

Тогда Клэй отказал ему.

Потому что у него не было плана.

— Мы должны опубликовать это, — сказала Наоми.

— Если мы отправим данные в открытую сеть, их отследят за несколько минут, — возразил Томас. — А если они найдут источник, то придут сюда.

— Они и так придут, — сказал Итан. — Теперь у них есть наши лица, имена и оружие. Мы уже объявлены террористами. Какая разница?— Разница в том, что сейчас они не знают, что мы нашли, — ответила Мариса.

Зик подошёл к столу и долго смотрел на экран.

— Есть место, — произнёс он наконец. — Старый ретранслятор в поселении Сухой Крик. Если добраться туда, можно передать часть данных на независимые частоты.

— А потом? — спросил Клэй.

— Потом люди узнают правду.

— И что они сделают? Возьмут оружие и пойдут на корпорации?— Не знаю, — честно ответил Зик. — Но у них хотя бы появится возможность выбирать.Клэй посмотрел на Марису. Она ничего не говорила. Не пыталась убедить его, не просила принять правильное решение. Просто ждала.Он понял, что ещё утром мог уйти. Мог бросить поезд, забыть увиденное и попытаться добраться до северной границы. Возможно, даже успел бы исчезнуть, прежде чем корпорация перекрыла бы дороги.Но тогда все эти люди остались бы мёртвыми.Не по-настоящему. Только на бумаге.— Мы идём в Сухой Крик, — сказал Клэй.Итан поднял голову.— Ты понимаешь, что это значит? Мы больше не сможем просто ограбить пару складов и уехать.— Понимаю.— За нами будут охотиться.— Уже охотятся.— Люди могут погибнуть.Клэй посмотрел на него.— Они и так погибают, Итан. Только мы раньше предпочитали не смотреть.Молодой бандит отвернулся. Его лицо стало жёстким, но спорить он не стал.Зик медленно улыбнулся — не радостно, а так, словно услышал слова, которых ждал много лет.— Тогда добро пожаловать в настоящую войну, парень.Клэй покачал головой.— Нет. Пока это всего лишь дорога к ретранслятору. Я не собираюсь обещать людям революцию, если не знаю, как её закончить.— Хорошо, — сказал Зик. — Значит, у нас наконец появился лидер, который боится последствий.За стенами насосной дождь усилился. Вода стекала по ржавым трубам, наполняла трещины в земле и уносила красную пыль в темноту.На экране терминала оставалась последняя строка файла. Томас заметил её, когда уже собирался выключить устройство.**СТАТУС ОБЪЕКТА: КЛЭЙ УОРД.**Под именем стояла дата сегодняшнего дня.И те же два слова, что и у сотен других людей.**СМЕРТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА.**

Глава 3

Посёлок, который молчал

К утру дождь закончился, но пустошь не стала чище. Вода лишь превратила красную пыль в тяжёлую грязь, которая липла к колёсам и сапогам. Небо над насосной станцией было серым, словно кто-то выжег из него все цвета, оставив только пепел. Клэй почти не спал. Он сидел у входа, положив винтовку поперёк колен, и смотрел на дорогу. На терминале Томаса всё ещё светилась запись о его смерти. Сначала это казалось ошибкой, потом — угрозой. Теперь Клэй подозревал, что это было приглашение.

Корпорация «Гелиос» не просто знала его имя. Она уже определила, каким он должен стать для остального мира: мёртвым человеком, который почему-то продолжает ходить, говорить и мешать живым.

— Если будешь так смотреть на экран, он не передумает, — сказал Томас, появляясь с двумя металлическими кружками.

— Я не смотрю на экран.

— Тогда ты очень пристально смотришь на стену за ним.

Клэй взял кружку. Напиток был горьким, горячим и пах чем-то средним между кофе и машинным маслом.

— Что с терминалом?

— Я вытащил маршрут поезда и кусок служебного журнала. Кто-то использовал старый код доступа, который принадлежал отделу внутренней безопасности «Гелиоса». Не рядовому охраннику. Человеку с допуском к закрытым перевозкам.

— Имя есть?

— Нет. Но есть номер подразделения. Его закрыли семь лет назад.

— Почему?

Томас пожал плечами.

— В официальном отчёте написано, что подразделение расформировали после несчастного случая. В неофициальном — что они занимались людьми, которых нельзя было судить открыто.

— Значит, нам понадобится больше, чем кусок журнала.

— Именно поэтому мы едем в Сухой Крик. Там есть ретранслятор, а у меня есть план, который на девяносто процентов не взорвёт нас.

— А остальные десять?

— Это запас на случай, если ты начнёшь задавать вопросы.

Клэй сделал глоток и поморщился.

— Это кофе?

— Это то, что осталось от кофе.

— Тогда в следующий раз оставь кофе в покое.

К полудню банда была готова к дороге. Раненый по имени Мик смог сидеть, но Наоми запретила ему стрелять, бегать и «совершать любые героические глупости, которые обычно предшествуют похоронам». Зик заявил, что ему нужен только револьвер и хорошая причина не слушаться врача. Наоми ответила, что хорошей причины у него не было последние тридцать лет.

Мариса проверила боеприпасы, запасные фильтры и воду. Итан молча закрепил на грузовике дополнительную канистру. Он всё ещё был зол — не на Клэя, а на то, что тот оказался прав: деньги и оборудование больше не имели значения.

Они выехали до полудня.

Сухой Крик находился в трёх часах пути к северу, если старая дорога ещё существовала. Когда-то это был шахтёрский посёлок, построенный возле глубокого водоносного слоя. Потом шахты закрыли, вода стала дороже руды, а корпорация выкупила насосные станции и установила на них счётчики с биометрическим доступом. Люди остались. Просто теперь каждый глоток имел цену.

На подъезде к посёлку грузовик прошёл мимо ряда домов, сложенных из металлических панелей и старых транспортных контейнеров. Над крышами тянулись провода. Ветряки вращались медленно, а на одном из холмов стояла вышка с красным огнём. У въезда висел экран с сообщением: «Сухой Крик — территория общественного порядка. Вода есть у каждого, кто соблюдает правила». Под надписью кто-то краской добавил: «У каждого, кто может платить».

— Добро пожаловать в рай, — сказал Итан.

У ворот стояли трое вооружённых людей в пыльных куртках. На рукавах у них были нашиты серые полосы — знак местной охраны. Самый высокий поднял ладонь, требуя остановиться.

— Назовите цель визита.

— Торговля, — ответил Клэй.

— Что продаёте?

— То, что купят.

Охранник не улыбнулся. Его взгляд скользнул по грузовику, по оружию, по лицам пассажиров.

— Оружие сдаётся на входе. Все гости регистрируются. Импланты проверяются. Любая передача данных через местную сеть запрещена без разрешения администрации.

Томас наклонился к Клэю.

— У них здесь больше правил, чем в корпоративном офисе.

— И меньше кондиционеров, — тихо ответил Клэй.

— Оружие мы не сдаём, — сказал он охраннику. — Но можем убрать его с глаз долой.

— Это не одно и то же.

— Зато звучит как начало переговоров.

Несколько секунд охранник изучал его лицо. Потом за его спиной появился мужчина лет пятидесяти, худой, с аккуратно подстриженной бородой и дорогим оптическим имплантом у правого виска. Его одежда была простой, но слишком чистой для человека, который жил среди пустошей.

— Пусть проедут, — приказал он.

Охранник отступил.

— Меня зовут Сайлас Ренн, — представился мужчина. — Я отвечаю за безопасность и распределение ресурсов в Сухом Крике. Вы не похожи на торговцев.

— А вы не похожи на человека, который любит незнакомцев, — ответил Клэй.

— Я люблю предсказуемость. Незнакомцы редко бывают предсказуемыми.

— Тогда сегодня вам повезло. Мы ненадолго.

Сайлас посмотрел на Зика, задержал взгляд на его перевязанном боку и чуть заметно улыбнулся.

— Все говорят так, когда приезжают сюда с проблемами.

Он пригласил их в здание бывшей станции водоснабжения, которое теперь служило администрацией. Внутри пахло хлоркой и старым пластиком. За стеклянной стеной стояли прозрачные баки с водой. На каждом был цифровой замок. Клэй заметил, что люди, проходившие мимо, смотрели на баки дольше, чем на вооружённых гостей.

— Вода есть, — сказал Сайлас, заметив его взгляд. — Просто не всем её можно доверить.

— Вода не умеет предавать, — сказала Наоми.

— Люди умеют. А воду добывают люди.

— И всё же вы поставили замки на баки, а не на оружейный склад.

— Оружие можно отнять. Воду — только защитить.

Наоми хотела ответить, но Клэй остановил её едва заметным движением руки. Они пришли не спорить о справедливости местного порядка. Им нужен был ретранслятор.

— Нам нужен доступ к старой вышке, — сказал он. — Хотим отправить сообщение по независимой частоте.

Улыбка Сайласа исчезла.

— Нет.

— Вы даже не спросили, что за сообщение.

— Если оно требует независимой частоты, значит, кто-то не хочет, чтобы его услышали обычные люди. А если кто-то не хочет, чтобы его услышали обычные люди, обычно это приносит сюда неприятности.

— Неприятности уже идут за нами, — сказал Зик. — Разница в том, что мы предлагаем вам узнать о них до того, как они постучат в дверь.

Сайлас посмотрел на старика почти с жалостью.

— Вы из тех, кто думает, будто правда сама по себе делает людей свободными. Я видел, что происходит, когда голодным людям показывают виноватого. Они не строят справедливый мир. Они находят верёвку.

— А что делаете вы? — спросила Мариса. — Раздаёте воду тем, кто согласен молчать?

— Я сохраняю посёлок.

— Вы сохраняете власть над посёлком.

Сайлас повернулся к ней.

— Власть — это слово, которым пользуются те, кто никогда не отвечал за тысячу ртов и один колодец.

На мгновение в комнате стало тихо. Клэй увидел за стеклом девочку лет восьми. Она стояла рядом с матерью, держа пустую бутылку. На экране над дверью мигнуло число: дневная

норма воды для их дома была исчерпана. Девочка посмотрела на баки. Потом на мать. Та отвела глаза.

Клэй отвернулся первым.

— Мы не просим вас поддерживать нас, — сказал он. — Только дайте подключиться к вышке. Мы уйдём сразу после передачи.

— А если вы передадите призыв к восстанию?

— Тогда вам придётся решить, что делать с услышанным.

Сайлас медленно покачал головой.

— Вы не понимаете, что такое свобода в месте, где один сломанный насос означает смерть для сотни людей. Здесь свобода — это когда вода приходит по расписанию.

— Нет, — сказал Клэй. — Это когда люди могут спросить, кто составил расписание.

На лице Сайласа мелькнуло что-то похожее на раздражение. Но он быстро спрятал его.

— Я дам вам одну ночь. Вы останетесь в старом мотеле у восточной стены. Не будете выходить после комендантского часа, не будете подключаться к местным системам и не станете говорить с жителями о политике. Утром уедете.

— А вышка? — спросил Томас.

— Нет.

Зик засмеялся сухим, болезненным смехом.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь удержать бурю закрытой дверью.

— Я думаю, что могу удержать людей живыми до следующего утра, — ответил Сайлас. — Это больше, чем обещают большинство пророков.

Охрана проводила банду в мотель. Это было длинное одноэтажное здание с выбитыми окнами, где вместо стекла натянули прозрачную плёнку. В комнатах стояли металлические кровати и умывальники с ограничителями воды. На стенах висели старые плакаты: шахтёры улыбались на фоне зелёных холмов, которых больше не существовало. Когда дверь закрылась, Итан ударил кулаком по стене.

— Мы просто уйдём? Вот так? Мы нашли доказательства, что «Гелиос» стирает людей из мира, и теперь будем слушаться какого-то водяного барона?

— Он не водяной барон, — сказала Наоми. — Он человек, который боится потерять контроль.

— Какая разница?

— Огромная. Барона можно свергнуть. Человека, который боится, можно заставить сделать что-то ужасное, убеждая его, что он спасает остальных.

Томас уже разбирал корпус терминала.

— Я могу подключиться к вышке не через администрацию. Есть старая техническая линия под мотелем. Если она не сгнила, можно передать короткий пакет данных.

— Ты же слышал запрет, — сказал Клэй.

— Да. Я также слышал, как ты сказал, что мы не позволим им решать, кто живой, а кто мёртвый. Мне показалось, что это было не просто красивое высказывание.

Клэй посмотрел на него, потом на остальных.

— Если нас поймают, Сайлас может закрыть воду всему кварталу, где мы будем прятаться. Он не станет рисковать посёлком ради нас.

— Значит, надо сделать так, чтобы он не смог свалить это на жителей, — сказала Мариса.

— Как?

— Передать доказательства так, чтобы их получили не только независимые частоты. Пусть данные уйдут в несколько направлений. Пусть люди увидят, что именно мы отправляем. Тогда Сайласу будет труднее назвать нас саботажниками.

Томас приподнял бровь.

— Мне нравится, когда ты превращаешь невозможное в задачу с проводами.

— А мне нравится, когда ты решаешь задачу, не взрывая здание.

— Не могу обещать обе вещи.

Клэй долго молчал. Он понимал риск. Если они отправят данные, «Гелиос» узнает, что информация покинула закрытую систему. Если не отправят, люди останутся мёртвыми по документам, а банда — беглецами без цели.

— Только короткий пакет, — сказал он. — Список имён, запись Элены Восс и доказательство, что поезд шёл по ложному маршруту. Никаких призывов к восстанию. Никаких угроз.

Зик нахмурился.

— Людям нужна причина действовать.

— Людям нужна правда, прежде чем кто-то начнёт указывать им, за что умирать.

Старик отвернулся, но спорить не стал.

Ночью Томас и Мариса нашли люк под ржавой лестницей за мотелем. Под ним тянулся узкий технический коридор. Они ползли среди кабелей и сухих труб, пока не добрались до распределительного узла. Терминал Томаса светился тусклым синим светом.

— Есть связь, — прошептал он. — Слабая, но есть.

Мариса стояла на страже. Вдалеке слышались шаги ночного патруля. По громкоговорителю объявили начало комендантского часа, затем посёлок погрузился в тишину.

Томас подключил накопитель.

На экране появилась полоса передачи.

Десять процентов.

Двадцать.

Внезапно экран мигнул. Вместо индикатора передачи возникло новое окно. На нём был знак белого круга с вертикальной линией.

Томас замер.

— Это невозможно.

— Что? — спросила Мариса.

— Нас не просто отслеживают. Кто-то уже сидит на линии.

В окне появилось текстовое сообщение.

КЛЭЙ УОРД. НЕ ПЕРЕДАВАЙТЕ ФАЙЛ. В СУХОМ КРИКЕ ЕСТЬ ДЕТИ, КОТОРЫХ ВЫ ИЩЕТЕ. Мариса почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Это ловушка?

Томас не ответил. Под сообщением возникла вторая строка.

СПРОСИТЕ САЙЛАСА РЕННА, КУДА ОН ОТПРАВЛЯЕТ НОЧНЫЕ ПОСТАВКИ.

Где-то над ними хлопнула металлическая дверь.

— У нас гости, — прошептала Мариса.

Томас отключил кабель, но сообщение не исчезло. Оно осталось на экране, словно кто-то по ту сторону линии знал, что они смотрят. **У ВАС ЕСТЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ. ПОТОМ ОНИ НАЧНУТ УБИВАТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ.**

В коридоре послышались быстрые шаги.

Мариса подняла пистолет.

Томас схватил накопитель.

И в ту же секунду свет погас.

РЕДАКЦИОННАЯ КАРТА ПРОДОЛЖЕНИЯ

Главы 4–16 · рабочие ориентиры, не полный текст

В этой версии сохранён полный текст глав 1–3 из предыдущего DOCX. Полные тексты глав 4–16 пока не включены: в доступной истории сохранились их сюжетные сведения и отдель-

ные фрагменты, но не вся проза. Ниже приведена карта уже написанного сюжета, чтобы не потерять последовательность событий. Эти записи не следует считать готовыми главами.

Глава 4

Десять минут до тишины

Свет погас так резко, будто кто-то накрыл посёлок ладонью.

На несколько секунд Сухой Крик исчез. Не стало ни тусклых ламп над улицами, ни рекламных полос на стенах администрации, ни красных огоньков камер. Только ветер шуршал по жестяным крышам, а где-то далеко, за домами, скрипела незакреплённая вывеска. В темноте люди перестали говорить. Даже собаки, казалось, поняли, что сейчас лучше не лаять. Мариса первой оторвала ладонь от панели. На экране ещё догорали последние строки предупреждения: «У ВАС ЕСТЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ». Потом монитор погас.

— Скажи, что ты успел скопировать, — произнесла она.

Томас уже выдёргивал из разъёма тонкий кабель.

— Я успел понять, что у местной администрации отвратительный вкус к интерфейсам. И ещё кое-что. У нас примерно девять минут и сорок секунд, прежде чем кто-нибудь решит, что мы слишком любопытные.

— Это не ответ.

— Это ответ, который мне нравится больше.

В коридоре послышались шаги. Не торопливые, не растерянные. Люди шли так, словно знали, куда направляются, и не собирались спрашивать разрешения. Мариса достала пистолет. Томас сунул накопитель во внутренний карман куртки и поднял металлическую руку.

— Если сейчас начнётся драка, — прошептал он, — я хочу официально заявить, что был против проникновения в здание с плохой вентиляцией.

— Ты сам предложил.

— Я предлагал проникнуть тихо. Это совершенно другая услуга.

Дверь технического коридора дёрнулась. Мариса шагнула к стене, пропуская первый силуэт внутрь. Охранник успел увидеть только её плечо. Удар рукоятью пришёлся ему под ухо; он осел на пол, не успев поднять оружие. Второй остановился в дверном проёме, и Томас метнул в него короткий импульсный разряд из самодельного устройства. Светящаяся дуга ударила в грудную пластину. Охранник дёрнулся и рухнул на колени.

— Видишь? — выдохнул Томас. — Техника всё-таки любит меня.

— Она тебя боится.

— В нашем мире это почти одно и то же.

Мариса выглянула в коридор. За дверью слышались голоса, но пока никто не стрелял. Она быстро проверила магазины и кивнула на боковую лестницу.

— Уходим через архивный блок. Если они перекрыли главный выход, там должен быть старый сервисный люк.

— А если не должен?

— Тогда ты его убедишь.

Они двинулись по коридору, пригибаясь под низкими трубами. На стенах мигали аварийные полосы, питавшиеся от резервного контура. На каждом перекрёстке висели камеры, но после отключения света их объективы смотрели в пустоту. Томас подключил к ближайшей распределительной коробке тонкий провод и задержался на несколько секунд.

— Что ты делаешь? — спросила Мариса.

— Уговариваю систему не замечать нас.

— У тебя получается?

— Она молчит. Считаю это согласием.

Внизу хлопнула дверь. Кто-то крикнул, чтобы перекрыли лестницу. Мариса ускорила шаг. За архивным блоком обнаружился узкий проход, заставленный коробками с фильтрами

и пластиковыми контейнерами. В конце была сервисная дверь с механическим замком. Томас посмотрел на неё с выражением человека, которому подарили старую, но всё ещё рабочую игрушку.

— Наконец-то. Замок, который не пытается подключиться к облаку.

Он снял крышку, вытащил два провода и замкнул их металлическими пальцами. Замок щёлкнул.

— Ты ведь понимаешь, что это не делает тебя хорошим человеком? — сказала Мариса.

— Я давно перестал стремиться к этому.

Дверь вывела их в узкий двор между администрацией и старым водяным резервуаром. Ночь была тёплой, но воздух пах озоном и пылью. Вдали, за рядами домов, вспыхнул прожектор. Потом второй. Мариса увидела Клэя у грузового фургона. Он стоял рядом с Зиком и Наоми; Итан держался чуть поодаль, всматриваясь в улицу. Клэй не спросил, почему они задержались. Он посмотрел на оружие в руках Марисы и на кровь у виска охранника, которого Томас волочил за воротник.

— Нас заметили?

— Пока только те, кто умеет ходить по коридорам, — ответила Мариса. — Но скоро узнают остальные.

Томас отпустил охранника на землю.

— И у нас есть прекрасная новость: местная администрация хранит детей лучше, чем овощи. В подвале, без маркировки и с охраной.

Клэй перевёл взгляд на Марису.

— Что ты нашла?

Она рассказала о сообщении на терминале. О детях, о ночных поставках, о предупреждении, которое появилось на экране. Клэй слушал молча, не перебивая. Когда она закончила, он посмотрел на здание администрации.

— Сайлас знает, куда их отправляют.

— Или знает, кто отправляет, — сказала Наоми. — Это не одно и то же.

Зик сплюнул в пыль.

— В любом случае, если Гелиос возит детей тайком, значит, они ему зачем-то нужны.

— Не начинай, — предупредил Клэй.

— Я ещё ничего не начал.

— Ты уже выбираешь, кому объявить войну.

Зик улыбнулся без веселья.

— А ты всё ещё надеешься, что война спросит твоего разрешения.

Итан подошёл ближе. На его лице читалось раздражение, которое он уже несколько часов пытался скрыть.

— Мы собираемся обсуждать это до рассвета? Если там дети, надо вытаскивать их сейчас.

— Мы даже не знаем, сколько их, — сказала Наоми. — И не знаем, что с ними делали.

— Зато знаем, что будет, если оставить их здесь.

— Знаем только то, что нам показали на экране, — ответила она. — Я не собираюсь превращать ребёнка в повод для красивой перестрелки.

Клэй поднял руку, останавливая спор.

— Сначала поговорим с Сайласом. Потом решим, как действовать.

— А если он не захочет говорить? — спросил Томас.

— Тогда будем задавать вопросы иначе.

— Вот за это я и люблю демократию, — пробормотал Томас. — Каждый может выбрать, каким именно способом его будут допрашивать.

Сайлас Ренн ждал их в кабинете на втором этаже. Он не включил свет. Сидел за столом, сложив руки перед собой, и смотрел на тёмное окно, за которым отражались редкие огни аварийных ламп. На столе стоял стакан воды. Он не притронулся к нему.

— Вы нашли сообщение, — сказал он, когда Клэй закрыл дверь.

— Мы нашли достаточно, чтобы понять: ты врёшь своим людям, — ответил Клэй.

— Я вру им, чтобы они могли спать.

— А детям ты что говоришь?

Сайлас впервые посмотрел на него.

— Что однажды всё закончится.

— И они тебе верят?

— Дети верят в то, во что им оставляют возможность верить.

Наоми села напротив. Её голос был спокойным, но в нём появилась жёсткость врача, который уже понял, что пациент скрывает важный симптом.

— Сколько детей?

Сайлас долго молчал.

— В нашем секторе — шестеро. Двое младше десяти. Остальные подростки. Их привезли за последние четыре месяца. У всех новые документы. Родители числятся умершими, сами дети проходят как сироты на корпоративном попечении.

— А на самом деле? — спросил Клэй.

— На самом деле некоторых родителей я знал. Они работали на водяных станциях, в ремонтных бригадах, на старых объектах. Потом их вызывали на медицинскую проверку. Через несколько дней приходило уведомление о смерти. Детей забирали представители Гелиоса.

— Ты им помогал?

Сайлас опустил глаза.

— Сначала я думал, что это эвакуация. Потом понял, что они не возвращаются. Я спрятал тех, кого успел.

— И продолжал отправлять ночные поставки, — сказала Мариса.

— Я отдавал им воду и медикаменты. Если бы отказался, они забрали бы всех сразу. Я пытался выиграть время.

Зик шагнул к столу.

— Удобная история. Всегда можно назвать трусость ожиданием подходящего момента.

Сайлас не стал оправдываться.

— Возможно. Но если бы я поднял оружие, здесь бы уже никого не осталось.

Клэй внимательно смотрел на него. Он видел перед собой не героя и не предателя, а человека, который слишком долго пытался удержать маленький мир на краю пропасти и постепенно начал принимать правила тех, кто эту пропасть выкопал.

— Где дети сейчас?

— Пятеро в старом водохранилище под административным блоком. Есть технический уровень, который не отмечен на муниципальных схемах. Шестую девочку перевели вчера.

— Имя?

— Лея. Двенадцать лет. Её мать умерла… по документам. Девочку должны были забрать сегодня ночью.

Наоми напряглась.

— Что с её профилем?

— Я не врач. Мне сказали, что у неё редкая реакция нервной системы. Она замечает, когда люди начинают паниковать, даже если те стараются этого не показывать. Может понять, что человек испуган или злится, раньше, чем он сам это признает.

— Это не диагноз, — сказала Наоми. — И не повод помещать ребёнка в лабораторию.

— Они называли это перспективным нейронным профилем. Говорили, что девочка нужна для программы «Наследие».

При этом слове Наоми едва заметно изменилась в лице. Клэй заметил.

— Ты знаешь эту программу?

— Я слышала название, когда работала в медицинском подразделении Гелиоса. Тогда мне говорили, что речь идёт о раннем выявлении тяжёлых стрессовых расстройств. О помощи детям, которым нужна особая поддержка. Но если они начали забирать детей под чужими именами, значит, всё давно вышло за пределы медицины.

— Что они хотят от Леи? — спросил Итан.

— Пока не знаю. Но её особенности могут быть полезны исследователям, которые изучают реакцию на стресс и эмоциональные сигналы. Это не делает её оружием. И не означает, что она умеет читать мысли.

Клэй кивнул.

— Выведем её и остальных.

Сайлас поднялся.

— Я покажу дорогу.

— Нет, — сказал Клэй. — Ты останешься здесь. Если охрана заметит, что ты ушёл, они поймут, что мы нашли водохранилище.

— Там мой племянник. Он дежурит у нижнего шлюза.

— Тогда тем более не заставляй его выбирать между тобой и приказом.

Сайлас сжал челюсть, но спорить не стал. Он достал из ящика старую металлическую карту доступа и протянул её Клэю.

— Сервисный лифт за архивом. На нижнем уровне два коридора. Левый ведёт к насосной, правый — к резервуарам. Девочка в дальнем помещении. Если охрана уже получила приказ, времени почти не осталось.

— Сколько?

— Меньше десяти минут.

Томас тяжело вздохнул.

— У меня складывается впечатление, что в этом городе время измеряют не часами, а угрозами.

Клэй распределил людей быстро. Мариса шла впереди с ним. Томас должен был вывести из строя камеры и открыть внутренние двери. Итан оставался у лифта, чтобы прикрыть отход. Наоми шла следом за Клэем: если дети были ранены или находились под препаратами, им понадобилась бы помощь сразу после выхода. Зик остался наверху, контролировать связь и держать путь к фургону свободным.

— Я могу пойти с вами, — сказал Итан.

— Ты нужен у лифта.

— Каждый раз, когда начинается что-то важное, я оказываюсь у двери.

— Потому что кто-то должен следить, чтобы дверь оставалась открытой.

Итан посмотрел на Клэя так, будто хотел возразить, но в конце концов кивнул. Сервисный лифт опускался медленно. Кабина дрожала, тросы скрипели за стенами. Наоми держала медицинскую сумку на коленях. Мариса проверяла магазин, а Томас подключил к панели переносной блок.

— Камеры на нижнем уровне сейчас слепые, — сказал он. — Но не глухие. Если кто-нибудь уронит что-то тяжёлое, система запишет звук.

— Постараемся не ронять, — ответила Мариса.

— Особенно себя. Это обычно самый громкий предмет.

Лифт остановился. Двери разошлись, открывая длинный коридор с низким потолком. Воздух был влажным и пах старым бетоном. По стенам тянулись трубы, на полу блестели

следы воды. Вдалеке гудели насосы. Клэй двинулся первым. Они миновали насосную и свернули к резервуарам. За стеклянной перегородкой стояли пластиковые контейнеры, медицинские койки и несколько складных столов. На стене висели детские рисунки, прикреплённые скотчем. Солнце, дом, дерево с красными яблоками.

Наоми остановилась.

— Господи…

— Здесь кто-то есть, — прошептала Мариса.

За дальней дверью послышался тихий стук.

Клэй поднял ладонь. Томас снял блокиратор, и дверь открылась почти бесшумно. В комнате сидели четверо детей. Двое спали на узких койках, мальчик лет десяти смотрел на незнакомцев широко раскрытыми глазами. Девочка с короткими тёмными волосами стояла возле стены, сжимая в руке потрёпанную игрушечную лошадь.

— Мы не из Гелиоса, — сказала Наоми, опускаясь на колено. — Мы пришли забрать вас отсюда.

— Все так говорят, — ответил мальчик.

— Тогда не верь мне сразу. Просто дай мне посмотреть, не болит ли у тебя что-нибудь.

Мариса быстро проверила соседнюю комнату. Там никого не было. Клэй подошёл к девочке с игрушкой.

— Ты Лея?

Она кивнула, но не произнесла ни слова.

— Меня зовут Клэй. Мы выведем тебя наружу.

— Вы злитесь, — тихо сказала она.

Мариса повернулась к ней.

— На кого?

Лея посмотрела на Клэя.

— Не на меня. Вы боитесь, что не успеете.

Клэй присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Да. Но это не твоя вина.

— Мама говорила, что люди сначала начинают говорить тише, когда боятся. А потом перестают говорить совсем.

— Твоя мама была умной женщиной, — сказал Клэй.

Лея опустила глаза на игрушку.

— Она обещала, что мы посадим яблони. У нас будет дом возле реки. Она сказала, что яблони долго растут, поэтому надо начинать раньше.

Наоми осторожно коснулась её плеча.

— Мы попробуем добраться до такого места.

— Вы обещаете?

Клэй не стал давать обещание, которое не мог гарантировать.

— Я обещаю, что не оставлю тебя здесь.

В коридоре раздался металлический удар. Затем второй. Мариса выглянула наружу и резко отступила.

— У нас гости.

По динамикам раздался спокойный мужской голос:

— Клэй. Давно не виделись.

Клэй замер. Он узнал голос раньше, чем успел осознать, что услышал.

Виктор Хейл.

— Ты всё ещё выбираешь самые неудобные места для встреч, — продолжил голос. — Хотя, должен признать, прятаться среди детей — неожиданно даже для тебя.

Мариса подняла оружие.

— Это он?

Клэй не ответил сразу. В памяти вспыхнуло другое место: пустынная база в Неваде, белый свет прожекторов, люди в рабочих комбинезонах, которые пытались выбраться через служебный периметр. Приказ по закрытому каналу. «Зачистить свидетелей». Хейл стоял тогда рядом, в той же чёрной броне, и смотрел на Клэя так, будто проверял, насколько тот готов подчиняться.

Семь лет назад Клэй отказался стрелять. Его подразделение получило огонь с двух сторон. В отчёте операцию назвали проваленной, а самого Клэя — погибшим. Хейл оставил его среди тел и ушёл, не оглянувшись.

Теперь он был здесь.

— Выводите детей, — сказал Клэй. — Томас, открой западный шлюз. Мариса, со мной.

— А я? — спросила Наоми.

— Забирай Лею и остальных. Иди за Томасом.

— Клэй, не вздумай…

— Наоми. Сейчас.

В коридоре показались первые солдаты. Чёрная броня, белый круг с вертикальной линией на груди. Они двигались короткими перебежками, прикрывая друг друга. Клэй выстрелил первым — не в человека, а в световую панель над ними. Коридор погрузился в полумрак. Мариса заняла позицию за бетонной колонной и двумя точными выстрелами заставила передний ряд отступить.

— Западный шлюз открыт! — крикнул Томас по связи. — И я хочу сказать, что этот объект строили люди, которые ненавидят техников.

— Потом пожалуешься, — ответил Клэй.

— Я уже жалуюсь. Просто на бегу.

Наоми вывела детей из комнаты. Мальчик держал за руку младшую девочку, а Лея шла рядом с врачом, не выпуская игрушечную лошадь. За ними двигался Томас, прикрывая отход импульсным блоком. Хейл появился в дальнем конце коридора. Его броня была новее, чем у остальных, а на левом плече виднелся старый шрам, пересекавший эмблему подразделения.

— Ты мог вернуться, Клэй, — сказал он. — Всё ещё можешь. Тебя не собирались убивать.

— Тогда почему ты оставил меня умирать?

— Потому что ты сделал выбор.

— Я отказался убивать безоружных.

— Ты отказался выполнять приказ. Не путай эти вещи.

— Для меня разницы нет.

Хейл чуть наклонил голову.

— Именно поэтому ты оказался интереснее остальных.

Клэй выстрелил по креплению трубы над головой Хейла. Из повреждённого соединения ударила струя пара, закрывая коридор белым облаком. Мариса схватила Клэя за плечо.

— Уходим!

Они отступили к шлюзу. За спиной гремели выстрелы, металл звенел от попаданий. Наоми уже вывела детей в технический тоннель. Итан встретил их у развилки и помог мальчику перебраться через заваленную секцию.

— Я думал, мне достанется скучная часть, — сказал он.

— Скучная часть — это когда никто не стреляет, — ответила Мариса. — Запомни на будущее.

Они выбрались через старый водосброс за пределами административного квартала. Фургон ждал у сухого русла. Зик сидел за рулём, хотя Томас обычно никому не доверял своё детище.

— Где Томас? — спросил Клэй.

— Вон он, — сказал Зик. — И, судя по звуку, опять что-то сломал.

Томас выскочил из тоннеля последним, запыхавшийся, с копотью на лице.

— Я ничего не сломал. Я временно изменил назначение шлюза.

— Он больше не закроется, — уточнила Мариса.

— Зато теперь он открыт для всех. Я сторонник гостеприимства.

Клэй пересчитал детей. Пятеро. Лея, мальчик, две девочки и подросток с перевязанной рукой. Сайлас говорил о шести, но шестую девочку перевели накануне. Её здесь не было.

— Где шестая? — спросил он.

Наоми покачала головой.

— Её нет среди них.

Клэй посмотрел на администрацию. Над зданием уже вспыхнули прожекторы, а на главной улице появились бронемашины. Через громкоговорители объявляли о введении аварийного управления. Имя Сайласа Ренна прозвучало в списке лиц, чьи полномочия были аннулированы.

— Он остался, — сказала Мариса.

— Да, — ответил Клэй.

— Его арестуют.

— Возможно.

Зик включил передачу. Фургон тяжело тронулся с места.

— А может, он наконец сделает что-то полезное, — сказал старик. — Например, перестанет прикрывать тех, кто забирает детей.

Клэй не ответил. Он смотрел на Сухой Крик, пока посёлок не скрылся за грядой камней. В окне администрации на мгновение появился силуэт человека. Слишком далеко, чтобы разобрать лицо. Сайлас или кто-то из его людей — теперь это уже не имело значения. Город оставался позади, но то, что они нашли, ехало вместе с ними.

В фургоне пахло пылью, машинным маслом и лекарствами. Наоми осматривала детей, проверяла зрачки, пульс и следы инъекций. Один из мальчиков дрожал так сильно, что не мог удержать стакан воды. Итан сел рядом и молча помог ему напиться. Лея устроилась у задней стенки, прижав игрушечную лошадь к груди. Она смотрела на лица людей, будто пыталась понять, кто из них первым сорвётся.

— Ты всё время смотришь на нас, — заметил Томас, садясь напротив.

— Вы разные, — сказала Лея.

— Это мягко сказано. У нас даже ботинки не совпадают.

Девочка чуть улыбнулась.

— У тебя рука громче, чем ты.

Томас посмотрел на свою металлическую кисть.

— Это потому, что она умнее. Я просто озвучиваю её решения.

Клэй сел рядом с Наоми.

— Что ты думаешь о её профиле?

— Пока ничего определённого. Она может хорошо считывать мимику, интонации, дыхание, микродвижения. Некоторые дети делают это естественно, особенно если выросли в непредсказуемой обстановке. Это не телепатия. Но для тех, кто строит модели поведения, такая чувствительность может оказаться очень ценной.

— Значит, они хотели изучать её.

— Возможно. И не только её.

Наоми достала накопитель, который Томас успел скопировать из терминала. На небольшом экране появились таблицы, медицинские профили и перечень объектов. Вверху стоял заголовок: «ПРОЕКТ НАСЛЕДИЕ». Ниже — шесть имён детей из Сухого Крика. Рядом с каж-

дым значились показатели нервной активности, устойчивости к стрессу и особенности обработки эмоциональных сигналов.

— Здесь не просто медицинские карты, — сказала Наоми. — Они сравнивают реакции, фиксируют изменения и пытаются связать их с поведением. Если ребёнок принимает решение под давлением, они хотят знать, почему он выбрал именно так.

— И что потом? — спросил Итан.

— Сначала прогноз. Потом, возможно, вмешательство. Если система считает, что человек поведёт себя определённым образом, она может создать условия, чтобы подтолкнуть его к этому решению. Или проверить, способен ли он поступить иначе.

Зик, сидевший у передней двери, повернулся.

— Они хотят знать, кто будет подчиняться, а кто нет.

— Похоже на то, — ответила Наоми.

Клэй листал документы. В одном из файлов упоминался северный научный центр — «Комплекс Орион». Рядом стояла отметка о передаче медицинских профилей и закрытых наблюдений. Он открыл следующий файл и увидел схему исследовательской программы. Многие разделы были зашифрованы, но одно название повторялось снова и снова: «Полевое наблюдение».

— Томас, можешь открыть вложения?

— Могу. Но не обещаю, что они будут рады.

— Пусть привыкают.

Томас подключил накопитель к переносному терминалу. Сначала появились ошибки, затем строки кода. Через минуту экран мигнул и вывел архивную папку. Внутри находились фотографии людей в форме корпоративных войск. Клэй узнал Хейла. Рядом стояли двое солдат, которых он помнил по Неваде. Оба, согласно старым отчётам, погибли во время той операции.

На следующем снимке был сам Клэй.

Он стоял у ангара, моложе на семь лет, без шрама на подбородке. Рядом с ним — Хейл и ещё один человек, лицо которого частично скрывала тень. Под фотографией значилось: «ПРОЕКТ НАСЛЕДИЕ. ГРУППА ПОЛЕВОГО НАБЛЮДЕНИЯ».

Томас перестал шутить.

— Клэй…

На экране медленно обновилась строка:

«ОБЪЕКТ: УОРД, КЛЭЙ. СТАТУС: АКТИВЕН».

Следом появилась новая запись:

«ПОСЛЕДНЕЕ ОБНОВЛЕНИЕ: СЕГОДНЯ».

Клэй почувствовал, как внутри всё становится холодным. Он смотрел на собственное лицо, сохранённое в чужом архиве, и понимал, что для системы он никогда не был просто солдатом, который однажды отказался выполнять приказ.

— Что это значит? — спросил Итан.

Клэй не отрывал взгляда от экрана.

— Значит, они всё это время знали, где я.

— Но ты был мёртв, — тихо сказала Мариса.

— По документам.

Томас прокрутил страницу ниже. Внизу, под фотографией, появилось последнее поле:

«СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП: АКТИВАЦИЯ ПОЛЕВОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ».

Наоми посмотрела на Клэя.

— Они не просто искали тебя.

— Нет, — сказал он. — Они ждали, когда я снова появлюсь.

За окном пустыня тянулась до самого горизонта. Вдалеке мигали огни ретрансляционных вышек, а над дорогой медленно поднималась пыль. Клэй выключил экран, но фотография осталась перед глазами. Он думал, что семь лет назад вырвался из системы. Теперь становилось ясно: возможно, система просто позволила ему уйти. И всё это время наблюдала, куда он приведёт остальных.

Глава 5

Те, кто остаётся у костра

К вечеру карьер перестал казаться убежищем. Днём его отвесные стены скрывали лагерь от дороги, а ржавые конвейеры и подъёмные краны напоминали о времени, когда здесь добывали камень для городов, которых теперь не существовало. Ночью карьер превращался в огромную чашу: каждый звук возвращался с другого края, и даже лошади настораживались от собственного фырканья.

Томас выбрал площадку под бетонным козырьком и назвал её самым безопасным местом в Красном поясе. Единственный подъезд просматривался от старой диспетчерской, а внизу уходил технический тоннель, заваленный лишь наполовину. В фургоне остались Наоми, раненый Мик и дети из Сухого Крика; остальные устроились вокруг маленького костра. На верхнем уступе Мариса поставила наблюдателя, а мотоциклы спрятала под брезентом. Лошадей отвели от генератора: животные и так плохо переносили запах перегретых проводов.

— Если враг спустится по той лестнице, — заявил Томас, — он наверняка сломает шею. Я три дня собираюсь её починить.

— Ты обещал сделать это вчера, — сказал Итан, ставя на землю ящик с консервами.

— Вчера я обещал подумать о ремонте сегодня. Не путай планирование с исполнением.

— У тебя на всё есть объяснение.

— Я механик. Если перестану объяснять поломки, придётся их исправлять.

Клэй не улыбнулся. Он стоял у края площадки и смотрел на узкую дорогу, петлявшую между породными отвалами. После Сухого Крика они не могли считать тишину безопасностью. «Гелиос» знал, что они увели детей. Хейл знал, что Клэй жив. А архив «Наследия» называл его полевым наблюдателем, будто он был прибором, который однажды потеряли в пустыне, а теперь нашли и решили снова включить. Мариса подошла с двумя жестяными кружками. Кофе оказался горьким, слабым и подозрительно пахнущим пластиком.

— Ты смотришь на дорогу так, будто она тебе должна денег, — сказала она.

— Дорога хотя бы не врёт.

— Она просто ведёт не туда, куда ты хочешь.

Мариса встала рядом. За последние сутки между ними накопилось слишком много невысказанного: фотография с Винсентом, фамилия Вейл в старом архиве, лицо Хейла и вопрос, почему Клэй прежде не рассказывал о Неваде.

— Если мы найдём твоего брата, — сказал он, — я не стану решать за тебя, что делать дальше.

— Хорошо.

— И не скрою того, что узнаю.

Мариса посмотрела на него долгим, усталым взглядом.

— Вот это уже обещание. Постарайся не испортить его.

Она ушла проверять седельные сумки. Клэй остался с кружкой и неприятным чувством, что некоторые долги нельзя закрыть одним разговором. В фургоне Наоми меняла повязку Мику. Бывший охранник стиснул зубы, но не жаловался; его бок был исполосован осколками, и каждое движение давалось тяжело. Лея сидела на полу возле медицинского ящика и сортировала упаковки бинтов по цвету.

— Белые не трогай, — сказала Наоми. — Они стерильные.

— А синие?

— Для перевязок.

— А зелёные?

— На тот случай, когда Томас снова попробует готовить.

Из-под капота донеслось возмущённое:

— Я всё слышу!

— На то и рассчитывала, — ответила Наоми.

Лея улыбнулась, но тут же взглянула на Мика.

— Он боится, — сказала она.

— Конечно, — спокойно ответила Наоми.

— Он не говорит.

— Люди редко говорят всё, что чувствуют.

— Он смотрит на дверь каждый раз, когда кто-то проходит. И задерживает дыхание. А когда думает, что никто не видит, держится за бок сильнее.

Наоми опустилась перед девочкой на корточки. Лея замечала едва различимые изменения в интонациях, дыхании и движениях. Это не было чтением мыслей. Просто мир, который взрослые обычно пропускали мимо глаз, для неё состоял из сотен маленьких предупреждений.

— Ты хорошо наблюдаешь, — сказала Наоми. — Но не обязана отвечать за чужой страх. Иногда человеку достаточно, чтобы рядом кто-то просто посидел.

— А если я могу помочь?

— Сначала научись помогать себе.

Когда Лея вернулась к бинтам, Наоми отвела Клэя к задней двери.

— Я посмотрела её профиль, — сказала врач. — «Наследие» измеряло реакцию на стресс, способность распознавать эмоции и скорость принятия решений. В начале это могло быть медицинским исследованием. Потом кто-то решил, что если достаточно хорошо понимать человека, можно заранее знать, что он сделает.

— А если знать, можно заставить его сделать другое, — закончил Клэй.

— Именно. И я не хочу, чтобы мы повторили их ошибку. Не спрашивай у Леи, кто из нас врёт. Не проси её выбирать, кому можно доверять. Она ребёнок, Клэй. Не прибор для проверки людей.

— Я не собираюсь использовать её.

— Тогда помни об этом, когда нам станет по-настоящему страшно.

Клэй посмотрел через открытую дверь. Лея сидела у койки Мика и рассказывала ему что-то о рисунке, который собиралась закончить. Мик слушал. Его рука больше не сжимала одеяло.

— Помню, — сказал Клэй.

Костёр разожгли, когда солнце скрылось за стеной карьера. Дрова берегли: топлива было мало, а дым мог выдать стоянку. Но людям нужен был огонь. За последние дни они слишком часто видели друг друга только в свете аварийных ламп, фар или вспышек выстрелов. Зик чистил старый револьвер с такой тщательностью, будто собирался передать его в музей. Итан проверял магазины. Томас жарил на железном листе лепёшки из сухого пайка и называл их ужином.

— Что это? — спросила Мариса.

— Горячая еда.

— У еды должно быть название.

— Название не улучшит вкус.

Томас перевернул лепёшку, но она прилипла к железу и разорвалась.

— Прекрасно. Теперь две порции.

Зик засмеялся первым. Смех получился хриплым и коротким. Клэй заметил, что старик не притронулся к своей порции.

— Хейл пришёл в Сухой Крик не за детьми, — сказал Клэй.

Разговоры стихли.

— Он пришёл за мной. Архив назвал меня полевым наблюдателем. Хейл знал, что это значит. И не собирался меня убивать.

— Пока не собирался, — поправил Зик.

— Ты знал, что они хотят оставить меня живым?

Старик положил на ткань барабан револьвера.

— Я знал, что ты связан с проектом. Не знал, насколько глубоко.

— Ты всегда знаешь ровно столько, чтобы не отвечать на вопрос.

— А ты задаёшь вопросы так, будто уже вынес приговор.

Клэй подошёл ближе.

— Семь лет назад ты нашёл меня в Неваде. Сказал, что это случайность. Теперь я узнаю, что кто-то продолжал следить за мной. Как мне понимать эту случайность?

Зик долго смотрел в огонь.

— Я вытащил тебя оттуда. Ты был ранен, без документов и без желания жить. Никто не заставлял меня останавливаться.

— И теперь я должен доверять тебе за это?

— Нет. Но ты мог бы хотя бы выслушать.

— Я слушал тебя семь лет.

На лице Зика впервые проступила не привычная самоуверенность, а усталость. Он выглядел старше своих пятидесяти двух, особенно в свете огня, который подчёркивал морщины возле глаз.

— Свобода никогда не была бесплатной, — сказал он. — Просто раньше за неё платили другие.

— И кто решил, что теперь платить должны эти дети?

Зик не ответил. Молчание оказалось хуже оправдания.

— Я не собираюсь вести их на войну, — продолжил Клэй. — Мне не нужен мир, в котором мы победили. Мне нужен мир, в котором детям больше не придётся воевать.

— Для такого мира иногда приходится драться.

— Тогда сначала скажи, где кончается драка и начинается то, против чего мы выступаем.

Зик снова взял револьвер. Но собирать его не стал.

Итан резко поставил кружку на землю.

— А я вообще часть этой банды? Или мне положено таскать ящики и узнавать о решениях, когда уже пора бежать?

— Ты часть банды, — сказал Клэй.

— Тогда почему мне не доверяют?

— Потому что ты дважды за сутки чуть не сорвал план.

— Я спас Мика.

— И едва не вывел на нас разведывательный дрон.

— Но не вывел!

— Смелость и правильное решение — не одно и то же.

Итан поднялся. Мариса следила за ним, не двигаясь, но Клэй знал этот взгляд: ещё одна резкая фраза, и она вмешается.

— Я не прошу отдавать мне командование, — сказал Итан. — Дайте хотя бы шанс доказать, что я умею больше, чем бегать с посылками.

Томас поднял свою обгоревшую лепёшку.

— Если будете драться, предупреждаю: у ужина и так тяжёлый вечер.

— Томас, — произнесла Мариса.

— Молчу. Но морально я на стороне еды.

Клэй подождал, пока Итан снова сядет.

— Завтра пойдёшь с Марисой на разведку. До северного уступа. Увидишь движение — сообщаешь. Никакой самодеятельности. Это не награда. Это ответственность.

— Понял, — сказал Итан и после паузы добавил: — Я не спорю с приказами. Просто предлагаю им альтернативу.

— Вот и предложи завтра что-нибудь полезное, — отозвалась Мариса. — Желательно такое, после чего мне не придётся тебя вытаскивать из-под камней.

Разговор постепенно рассыпался на отдельные голоса. Кто-то вспомнил старую заправку возле соляной равнины, где продавали газировку, приготовленную из очищенной технической воды. Томас рассказал, как однажды купил там аккумулятор, который оказался кирпичом в красивой упаковке. Зик вспомнил лошадь, умевшую открывать засовы, и поклялся, что та была умнее трёх начальников охраны, встреченных им за жизнь. Люди смеялись осторожно, будто опасались, что смех привлечёт неприятности.

Клэй заметил Лею у края освещённого круга. Она рисовала на обороте картонной коробки двумя короткими карандашами. Он сел рядом, оставив между ними достаточно места, чтобы девочка не почувствовала себя загнанной в угол.

— Покажешь?

На рисунке был дом с покатой крышей. За ним текла широкая река, а вдоль берега росли деревья с круглыми плодами. Возле крыльца стояли две фигуры: большая и маленькая.

— Мама хотела посадить яблони, — сказала Лея. — Она говорила, что у настоящей реки вода не заканчивается, когда кто-нибудь выключает насос.

— Она знала такое место?

— Показывала на старой карте. Севернее трассы. Там ещё мост, у которого не хватало одной опоры. Мама говорила: деревья растут медленно. Их нужно сажать до того, как станет безопасно. Иначе можно всю жизнь ждать подходящего дня.

Клэй долго смотрел на дом. Он сам не раз представлял себе землю у воды, крыльцо, на котором никто не оставляет винтовку, и утро без тревожных сигналов. Но мечта взрослого человека была осторожной. Лея рисовала её так, словно всё ещё можно было исправить.

— Ты найдёшь это место? — спросила она.

— Попробую.

— А если не получится?

— Найдём другое.

— Ты обещаешь, что не оставишь меня?

Он мог пообещать безопасность. Мог сказать, что они все будут жить долго и счастливо. Но после Сухого Крика такие слова показались бы предательством.

— Я не обещал, что мы выживем, — сказал Клэй. — Я обещал, что не брошу вас.

Лея кивнула, будто такой ответ ей подходил больше красивой лжи.

— Тогда я нарисую ещё одно дерево, — сказала она. — На случай, если первое не приживётся.

Позднее Клэй вернулся к фургону проверить архив. Томас вынул из терминала передатчик и все беспроводные модули ещё утром. Прибор лежал среди разобранных плат и двух пустых кружек. Клэй нажал кнопку питания. Экран остался чёрным. Он уже собирался уйти, когда по стеклу пробежала тонкая белая полоса. Сначала возник серый шум. Потом появились слова:

ПОЛЕВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ: КЛЭЙ УОРД.

Под строкой развернулась схема карьера — с бетонными опорами, фургоном, костром и подъездной дорогой. На схеме двигались маленькие точки. Одна совпадала с местом, где стоял Клэй. Другие отмечали Марису, Итана, Томаса, Наоми и Лею. Даже лошади были обозначены отдельными символами. Клэй выдернул кабель питания. Экран не погас. Он открыл заднюю

крышку и отсоединил аккумулятор. Карта осталась на месте. На ней одна точка медленно отошла от костра — Лея поднялась, чтобы отнести рисунок Наоми.

ЭТАП ДВА ГОТОВ К АКТИВАЦИИ.

Ниже появились две кнопки: «ПОДТВЕРДИТЬ» и «ОТЛОЖИТЬ». Клэй не нажал ни одну.

— Мариса! — крикнул он, выходя из фургона.

Она сразу поняла по его лицу, что случилось что-то серьёзное. Томас вылез из-под капота, вытирая ладони тряпкой.

— Что сломалось?

— Твой терминал включился без питания.

Улыбка исчезла с лица механика. Он забрался в фургон, осмотрел плату и проверил разъёмы.

— Нет передатчика. Нет приёмника. Нет даже приличных часов. Это устройство не должно знать, что за его пределами вообще существует мир.

— Но знает, — сказала Мариса.

— И это, пожалуй, самая неприятная часть.

Клэй показал им карту. Точки двигались. Кто-то наблюдал за лагерем в реальном времени, и терминал был лишь экраном, на который решили вывести чужой взгляд.

— Выключай, — сказал Клэй.

— Я бы с радостью, — ответил Томас. — Но оно, похоже, не признаёт мои полномочия.

Он замкнул два контакта отвёрткой. Экран наконец потух. В ту же секунду с верхнего уступа донёсся тихий механический гул. Мариса вскинула голову. Два тонких луча света скользнули по стенам карьера и остановились на фургоне. Слишком ровные для прожекторов. Слишком холодные для фонарей. Дроны наблюдения.

— У нас гости, — сказала она.

Итан уже держал винтовку. Зик поднялся от костра и застегнул кобуру. Наоми увела Лею за бетонную опору; Мик попытался встать, но она одним взглядом заставила его остаться на месте. Из динамиков, спрятанных где-то наверху, раздался голос Виктора Хейла:

— Клэй Уорд.

Он произнёс имя спокойно, почти буднично, словно они встретились не посреди ночного карьера, а в коридоре старой казармы.

— Не двигайся. Останься на месте, и, возможно, сегодня никто не умрёт.

Клэй смотрел на чёрный край уступа. Семь лет назад этот человек оставил его среди мёртвых. Теперь предлагал остановиться ради чужой безопасности — будто право выбирать по-прежнему принадлежало ему.

— Ты уже однажды решил за меня, Виктор, — сказал Клэй достаточно громко, чтобы датчики наверху услышали. — Второй раз не выйдет.

В динамиках что-то щёлкнуло.

— Тогда мне придётся решать за всех.

За старым конвейером один за другим загорелись красные огни. И Клэй понял, что всё это время они смотрели не на дорогу, откуда ожидали нападения, а в противоположную сторону.

Глава 6

Охота начинается

Красные огни за конвейером не двигались. От этого они казались ещё хуже: не разведчики, которые ищут цель, а стрелки, уже выбравшие позиции. Клэй поднял ладонь. Итан замер с винтовкой у плеча, Мариса медленно отступила к бетонной опоре. Над карьером кружили два дрона. Их лучи скользили по стенам, не касаясь людей, словно операторы давали беглецам время оценить собственную беспомощность.

— У тебя минута, Уорд, — сообщил Хейл через динамики. — Я не хочу стрелять в твоих друзей.

— Тогда не стреляй, — ответил Клэй.

— Ты всё ещё путаешь желание с приказом.

Зик тихо подошёл сзади. В руке он держал револьвер, стволом вниз.

— Сколько выходов? — спросил он.

— Два, — сказал Клэй. — По дороге наверх нас встретят. Остаётся нижняя штольня.

— Она обвалилась лет двадцать назад.

— Не вся, — вмешался Томас. — Я видел вентиляционный план у старого щита. Если схема не врёт, тоннель выходит к водосбросу. Если врёт, мы познакомимся с местной геологией поближе.

Клэй посмотрел на Наоми. Та уже поняла.

— Мик не пройдёт быстро, — сказала она. — И Лея с остальными детьми тоже.

— Значит, выиграем им время. Зик, веди их. Томас, открой штольню и заводи фургон только по моему сигналу. Мариса — левый уступ. Итан со мной.

— Наконец-то, — выдохнул Итан.

— Это не повышение. Смотри на меня и не стреляй, пока не скажу.

Динамик зашипел.

— Тридцать секунд, Клэй.

— Виктор, — произнёс Клэй, глядя в темноту. — Ты помнишь Неваду?

В эфире стало тихо.

— Я помню солдата, который отказался выполнять приказ.

— А я помню семьи в цехе. Ты велел закрыть ворота, пока они были внутри.

— Ты не знал всей картины.

— Тогда объясни её сейчас.

— Ты получишь ответы, когда вернёшься туда, где тебе положено быть.

Клэй усмехнулся без веселья. Даже спустя семь лет Хейл разговаривал так, будто мир состоял из помещений с пронумерованными дверями и людей, которых можно переставлять между ними.

— Я уже там, где мне положено быть, — сказал Клэй. — С моими людьми.

Первый выстрел пришёл сверху. Пуля раскрошила бетон в локте от Итана. Клэй толкнул его за опору, а Мариса ответила двумя короткими выстрелами. На гребне уступа погас один красный огонёк.

И тут карьер ожил.

Взрыв у старого конвейера поднял пыльную стену. Дроны спустились ниже, прочёсывая площадку светом. За ржавыми контейнерами появились солдаты «Гелиоса» в чёрной броне с белым знаком на наплечниках. Они двигались не торопясь, попарно, прикрывая друг друга. Клэй узнал построение. Когда-то он сам учил новобранцев так входить в закрытые зоны.

— Наоми, уходи! — крикнул он.

Доктор схватила Лею за руку. Двое младших детей держались за её куртку; третий, сонный и перепуганный, едва переставлял ноги. Зик поднял Мика с койки, помог ему опереться на плечо. Четвёртого ребёнка повела за собой одна из женщин, спасённых в Сухом Крике, — Элис, молчаливая бывшая работница насосной станции, которая с тех пор помогала на кухне и не выпускала из виду малышей.

— Сначала дети, — сказал Зик.

— Я и не спорю, — процедил Мик сквозь боль. — Только не бросай меня ради красивой речи.

— Сегодня все мои речи короткие.

Томас подскочил к металлической двери штольни и сунул в замок инструмент, похожий на отвёртку после серьёзной семейной ссоры. Искры посыпались на его сапоги.

— Я не ломаю технику! — крикнул он через плечо. — Я выясняю, насколько сильно она хочет жить!

— Быстрее! — ответила Наоми.

— Она хочет жить очень сильно, но не открываться!

Второй взрыв сотряс стену. Ржавая створка дёрнулась. Томас ударил её металлической рукой и отскочил. Дверь распахнулась внутрь с таким грохотом, будто карьеру вырвали зуб.

— Видите? — сказал он. — Вежливость творит чудеса.

В тоннеле пахло сырой породой и старым машинным маслом. Свет фонарей выхватывал из темноты рельсы узкоколейки, кабели, облезлые номера технических отсеков. Зик повёл людей вниз, Наоми замыкала колонну, следя, чтобы никто не отстал.

Лея остановилась у порога.

— Клэй идёт? — спросила она.

— Идёт, — сказал Зик.

— Ты не знаешь.

Старик присел перед ней, несмотря на то что Мик тяжело висел на его плече.

— Не знаю, — признал он. — Но он делает всё, чтобы ты успела уйти.

Лея посмотрела через его плечо. Клэй стоял за бетонным блоком и стрелял в сторону наступавших солдат. Девочка ничего не сказала, только сложила рисунок дома у реки и спрятала во внутренний карман. На поверхности Клэй заметил, что солдаты не пытаются захватить фургон. Они перекрывали подходы к нему, отрезая пути отступления, но стреляли выше и по сторонам. Это было не уничтожение лагеря. Это была операция по изоляции одного человека.

— Они не хотят тебя убивать, — сказала Мариса по рации.

— Я заметил.

— Меня это не успокаивает.

Клэй выглянул из укрытия и увидел Хейла. Тот стоял на верхней платформе в тёмной броне без шлема, словно пули не имели к нему отношения. Серебро на висках стало заметнее, чем семь лет назад. Всё остальное осталось прежним: прямая спина, неподвижное лицо, привычка смотреть на людей как на элементы схемы.

— Ты можешь закончить это, Клэй, — произнёс Хейл уже без усилителя. Его голос донёсся сверху сквозь стрельбу. — Просто подними руки.

— Сначала отзови солдат.

— Сначала вернись в программу.

Слово ударило сильнее выстрела.

— Значит, ты признаёшь, что я был в ней?

— Ты был частью исследования. И до сих пор остаёшься.

— Исследования чего?

Хейл чуть склонил голову.

— Ты всегда выбираешь людей, которые мешают тебе выжить. Мне интересно, изменилось ли это.

Клэй выстрелил в крепление прожектора над платформой. Лампа сорвалась и разбилась между ними, разметав искры. Хейл даже не пригнулся.

— Нет, — сказал Клэй. — Не изменилось.

Итан выскочил из-за опоры слишком рано. Один из дронов тут же повернулся к нему, наводя оружие. Клэй схватил парня за воротник и рванул вниз; очередь прошила место, где только что была его голова.

— Я сказал ждать!

— Я видел открытый фланг!

— А дрон видел тебя!

Итан тяжело дышал, глядя на дыру в собственном рукаве. Впервые за вечер ему нечего было возразить.

— Хочешь доказать, что готов отвечать за других? — спросил Клэй. — Тогда прикрой вход в штольню. Ни одного солдата туда не пропусти.

Итан кивнул и перебежал к вагонетке, перевёрнутой у рельсов. Сверху дрон снова начал снижаться. Парень прицелился не в корпус, защищённый бронёй, а в сочленение между двигателем и крылом. Первый выстрел прошёл мимо. Второй сорвал боковую панель. Машину повело, она ударилась о стену и рухнула на площадку, выбрасывая искры.

— Попал! — крикнул Итан.

— Не празднуй, — отозвалась Мариса. — Их ещё хватает.

Из тоннеля донёсся голос Томаса:

— Клэй! Здесь ответвление к водосбросу! Я отправлю туда людей, а сам вернусь за фургоном!

— Нет. Оставь фургон.

— Ты сейчас попросил меня бросить мой фургон?

— Именно.

— Понимаешь, мы с ним многое пережили. Я видел, как он загорался. Он видел, как я плакал. Это почти брак.

— Томас!

— Уже иду. Но при разводе инструменты остаются мне!

Клэй видел, как Мариса меняет магазин, не отрывая взгляда от верхней платформы. Её мотоцикл стоял в тридцати шагах. Фургон был дальше. Доставить всю группу наружу через верхний выезд они не могли, зато транспорт мог стать приманкой.

— Томас, — сказал он в рацию. — Сможешь запустить фургон дистанционно?

Пауза.

— Смотря для чего.

— Чтобы он поехал без водителя.

— Это мой любимый вид вождения.

— Прямо к конвейеру. Когда я скажу.

— Он этого не заслужил.

— Мы тоже.

Томас ничего не ответил. Через минуту из-под капота фургона щёлкнуло реле. Двигатель кашлянул, завёлся и выдал облако чёрного дыма. Хейл повернул голову в сторону машины.

— Клэй, — сказал он, — не вынуждай меня делать то, что я уже делал однажды.

— Ты сам выбираешь, Виктор.

Клэй подал знак. Фургон дёрнулся, набрал скорость и пошёл к старому конвейеру, подпрыгивая на камнях. Солдаты отступили с его пути. Дрон бросился следом. За секунду до столкновения Томас включил аварийный заряд, который обычно использовал для сварки толстого металла. Вспышка разрезала карьер белым светом, конвейер рухнул, перекрыв верхнюю дорогу облаком пыли и железа.

— Он умер как герой, — произнёс Томас в рацию. — И как автомобиль, которому я давно обещал поменять масло.

— Уходим! — крикнул Клэй.

Мариса последней проскочила в штольню. Итан прикрывал её, пока Клэй не захлопнул за ними дверь и не заклинил ручку ломом. Снаружи застучали выстрелы. Бетон осыпался на рельсы, но дверь выдержала. Они бежали по узкому тоннелю, пока шум боя не остался далеко позади. Потом услышали голоса своих. Зик и Наоми остановились у развилки, где из потолка

капала вода. Мик сидел на камне, прижимая ладонь к повязке. Лея бросилась к Клэю и обняла его так крепко, что он на мгновение потерял равновесие.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Я обещал попробовать.

— Нет. Ты обещал не бросать.

Он осторожно коснулся её плеча.

— Верно.

— Прекрасно, — сказал Томас, догнав их. — Все живы. Кроме фургона. Прошу минуту молчания и новый аккумулятор.

Наоми быстро осмотрела Итана. Пуля лишь распорола рукав, но на предплечье оставила глубокую ссадину. Парень попытался отмахнуться.

— Я в порядке.

— У тебя лицо человека, который только что впервые понял, что умирают не только другие, — сказала Наоми. — Сядь.

Итан сел. Клэй не стал его хвалить за дрон и не стал ругать за нарушение приказа. Он просто положил рядом с ним запасной магазин.

— Хороший выстрел, — сказал он. — В следующий раз сначала думай, потом геройствуй.

Итан кивнул. Этого оказалось достаточно.

Дальше тоннель сужался. Они шли по одному, протискиваясь мимо старых насосов и бетонных опор. Вода под ногами становилась глубже, потом снова исчезала в трещинах пола. На стене встретился выцветший знак чёрного ворона. Клэй остановился. Он знал этот силуэт: такой же был нарисован на борту их фургона и вырезан на деревянной табличке у костра.

— Зик, — позвал он. — Это твоё?

Старик подошёл, осветил знак фонарём и нахмурился.

— Не помню, чтобы кто-то из наших сюда заходил.

— Значит, кто-то пользовался этим знаком до нас.

— Или после нас, — сказал Зик и слишком быстро пошёл дальше.

Мариса заметила его реакцию, но ничего не сказала. Теперь они оба научились различать молчание старика: иногда он действительно не знал ответа, а иногда слишком хорошо знал, что за ним последует. У развилки, где тоннель уходил к высохшему водосбросу, Итан услышал шаги. Он остановился и поднял винтовку. Из боковой галереи вышел человек в потёртом дорожном плаще. Лицо закрывала тканевая маска, на руке блестела металлическая пластина в форме ворона.

— Не стреляй, — сказал незнакомец.

— Ты кто такой?

— Тот, кто знает, что Хейл не уйдёт, пока не получит то, за чем пришёл.

— Я спросил, кто ты.

Незнакомец медленно поднял пустую ладонь. Другой рукой он достал из внутреннего кармана маленький накопитель в матовом корпусе.

— Я служил с Клэем Уордом, — сказал он. — До того, как его записали в мёртвые.

Итан не опустил оружие.

— У него было много сослуживцев. Некоторые сегодня пытались нас убить.

— Тогда передай ему это. И скажи дословно: второй наблюдатель проснулся.

Незнакомец положил накопитель на выступ стены и сделал шаг назад.

— Сам передай, — сказал Итан.

— Если он увидит меня сейчас, начнёт задавать вопросы, на которые у нас нет времени.

— Очень удобная причина.

— Удобных причин у меня давно не осталось.

Где-то далеко прогремел глухой взрыв. Незнакомец посмотрел в сторону верхних тоннелей.

— Хейл отступит на время. Он получил подтверждение, которое искал. Но к утру на дорогах будут блокпосты. Не идите к южной трассе.

— Почему я должен тебе верить?

— Не должен.

Он отступил в темноту. Итан бросился следом, но галерея заканчивалась вертикальной лестницей, уходящей к люку под потолком. Крышка уже была закрыта. Итан мог полезть за ним, однако вспомнил приказ: не оставлять людей без прикрытия. Он вернулся, забрал накопитель и поспешил догнать остальных.

К выходу из водосброса они добрались перед рассветом. Снаружи лежала каменистая равнина, рассечённая сухими руслами. Вдалеке серел хребет, за которым можно было спрятаться от наблюдения с дороги. Лошадей и мотоциклы они потеряли в карьере; теперь всё, что у них осталось, умещалось в рюкзаках и руках. Клэй остановил группу в тени разрушенного насосного павильона. Наоми снова занялась Миком, Мариса проверила горизонт через прицел, а Томас сел на бетонный блок и уставился на пустые ладони.

— Первый раз за семь лет у меня нет ни одной машины, которую можно чинить, — сказал он. — Чувствую себя человеком без профессии.

— Ты всё ещё умеешь открывать двери, — заметила Мариса.

— Двери меня не любят. Это невзаимные отношения.

Итан подошёл к Клэю, протягивая накопитель.

— В тоннеле был человек. Сказал, что служил с тобой. У него на руке был металлический ворон.

Клэй взял устройство, не сразу понимая, что его насторожило.

— Что он сказал?

— «Второй наблюдатель проснулся». И ещё — Хейл получил подтверждение и временно отступит.

Мариса опустила винтовку.

— Как он выглядел?

— Высокий. Голос хриплый. Лицо закрыто. Двигался так, будто знает каждый метр этих тоннелей.

Клэй перевернул накопитель. На обратной стороне кто-то процарапал четыре буквы: V. V. и две почти стёртые цифры. В памяти всплыл ангар в Неваде, резкий свет аварийных ламп и мужчина, который однажды встал между солдатами и гражданскими, хотя прекрасно понимал, чем это закончится.

— Винсент, — сказал Клэй.

Мариса сделала шаг к нему.

— Что?

— Винсент Вейл. Он служил с нами. У него была такая пластина на ремне — чёрный ворон на серебре. Он говорил, что это знак тех, кто возвращается за своими.

— Мой брат? — голос Марисы стал тихим. — Ты говоришь, мой брат был здесь?

— Я не знаю, был ли это он. Но кто-то очень хотел, чтобы мы так подумали.

Она протянула руку за накопителем. Клэй отдал его без спора. Мариса провела большим пальцем по царапинам, словно могла узнать почерк человека через металл.

— Семь лет, — сказала она. — Семь лет мне говорили, что он погиб. А теперь он появляется в тоннеле и не может даже показать лицо?

— Возможно, он не мог, — ответил Клэй.

— Или не хотел.

Клэй не нашёл слов, которые могли бы её утешить. В этом мире обещания слишком часто служили заменой правде, и Мариса больше не собиралась принимать замену. Томас достал из кармана небольшой складной считыватель. Он был старым, с одной работающей кнопкой, зато не имел связи с сетью.

— Могу посмотреть, что внутри, — предложил он. — Если там вирус, он убьёт только мой последний прибор. Что, учитывая сегодняшний день, вполне соответствует традиции.

Клэй посмотрел на Марису. Та кивнула.

Томас подключил накопитель. Считыватель мигнул, показал несколько строк повреждённого кода, а затем вывел короткое сообщение без подписи:

«КЛЭЙ УОРД. НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ПЕРВОМУ СПИСКУ МЁРТВЫХ. НАЙДИТЕ ОРИОН. ВТОРОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ АКТИВЕН».

Под сообщением находилась фотография, размытая и старая. Четверо мужчин в военной форме стояли перед транспортным ангаром. Клэй узнал себя, Хейла и ещё двоих. Одного он не видел семь лет. Второго считал погибшим. Мариса присела рядом, не отрывая взгляда от экрана.

— Это он, — прошептала она.

Клэй смотрел на молодое лицо Винсента Вейла. На фотографии тот улыбался, чуть прищурившись от солнца, и держал руку на плече человека, стоявшего у края кадра. Этого человека Клэй тоже помнил. Роуэн Кросс. Над равниной поднялось солнце. Где-то за хребтом начинался новый день, а вместе с ним — новая охота. Но впервые после Сухого Крика Клэй почувствовал, что у них есть не только враги, но и след, по которому можно идти.

— Собираемся, — сказал он. — До полудня нужно найти укрытие.

— А потом? — спросил Итан.

Клэй посмотрел на Марису, всё ещё державшую в руках накопитель.

— Потом выясним, кто из мёртвых решил с нами поговорить.

Глава 7

Чужие имена

Мотель назывался «Последняя миля», хотя до ближайшего населённого пункта оставалось не меньше сорока километров. Вывеска лежала в песке, уцелевшие буквы торчали из неё под разными углами. Когда-то здесь продавали прохладную воду, сдавали комнаты и обещали путешественникам спокойный сон. Теперь воду приходилось привозить с собой, а сон зависел от того, насколько хорошо человек умел не думать о преследователях.

Клэй въехал во двор первым. Он остановил лошадь у навеса и долго слушал тишину. За пустыми окнами дрожали остатки жалюзи; на крыше скрипела жестяная антенна. Следов свежих шин не было. Это ещё не означало, что здесь безопасно, но означало, что у них есть шанс провести ночь под крышей.

— Роскошное место, — объявил Томас, выбираясь из фургона. — Вид на пустыню, естественная вентиляция и бесплатный песок в каждой постели. Если найдём бассейн, я официально уйду на пенсию.

— Ты вчера собирался умереть, — заметил Итан.

— Человек должен иметь запасные планы.

Мариса прошла мимо них с винтовкой на плече. Она не смеялась. С тех пор как на экране появилось лицо Винсента, её молчание стало плотным, почти осязаемым. Она проверила двери первого корпуса, заглянула за стойку регистрации и вернулась, сообщив, что северное крыло можно занять. В южном провалилась крыша; туда лучше было не заходить даже Томасу.

— Особенно Томасу, — добавила она.

— Я ценю вашу заботу, — отозвался механик. — Но хотел бы, чтобы её проявляли до того, как мне дают чинить двигатель на ходу.

Мик остался в фургоне под присмотром Наоми. Рана после карьера снова открылась, и доктор запретила ему подниматься без необходимости. Лея устроилась на продавленном диване в бывшем холле, положила рисунок дома у реки на колени и спросила, можно ли оставить его на стене. Наоми ответила, что лучше пока держать рисунок при себе: они ещё не знали, сколько здесь пробудут.

Клэй назначил посты. Итану досталась крыша гаража, Марисе — дальний конец коридора, Зику — дорога. Томас должен был заняться накопителем. Сам Клэй остался у входа, пока люди расходились по местам, и только тогда позволил себе снять перчатки. На ладони, между большим и указательным пальцем, обнаружился неглубокий порез. Он не помнил, когда получил его.

Семь лет назад такие мелочи его не удивляли. В армии кровь часто обнаруживали после боя, когда адреналин отпускал и тело вспоминало, что оно смертно. Он думал, что давно оставил эту привычку позади. Но Виктор Хейл вернул ему не только воспоминания. Хейл вернул ощущение, что любая дверь может открыться приказом, а любой человек — оказаться частью чужой операции.

В комнате бывшего администратора Томас поставил на стол переносную лампу. Накопитель лежал рядом с разобранным считывателем, похожий на плоскую металлическую пластину с выжженным вороном. Его края были исцарапаны, один контакт потемнел от жара.

— Сразу предупреждаю, — сказал Томас, когда Клэй вошёл, — если внутри очередной список людей, которые официально умерли, я начну брать плату за некрологи.

— Сможешь открыть?

— Смотря что ты понимаешь под словом «открыть». Если прочитать данные — вероятно. Если не взорвать при этом стол — надеюсь. Если получить из этого хоть одну приятную новость — тут я бессилен.

Мариса появилась в дверях, услышав последние слова. Она положила винтовку так, чтобы до неё можно было дотянуться, и села напротив терминала.

— Сначала покажи фотографию, — сказала она.

Томас подчинился. Четверо мужчин в форме стояли перед ангаром, залитым жёлтым светом. Клэй был моложе и смотрел прямо в камеру. Хейл держался чуть поодаль, будто даже для общего снимка ему требовалось сохранять командную дистанцию. Рядом стоял Винсент — широкоплечий, с коротко остриженными волосами и улыбкой, которую не сумела стереть даже плохая матрица старого фото. У края кадра находился Роуэн Кросс, худой, с прищуром человека, привыкшего замечать лишнее. Мариса коснулась экрана одним пальцем.

— У него была привычка улыбаться, когда все остальные злились, — произнесла она. — Мама говорила, что однажды его за это ударят.

— И ударили? — спросил Томас.

— Не раз. Но он продолжал.

Она отняла руку и некоторое время молчала. Клэй сел рядом, не торопя её. За окном в сухой траве шелестел ветер.

— Винсент был старше меня на девять лет, — начала Мариса. — Когда отец потерял работу на водяной станции, брат уже служил. Он присылал нам пайки, лекарства, иногда настоящие бумажные книги. Говорил, что в казарме их всё равно никто не читает. А потом приехал в отпуск и привёз мне старый пистолет без затвора. Сказал: «Сначала научись держать железо правильно, а уже потом думай, зачем оно тебе».

— Похоже на него, — тихо сказал Клэй.

— Ты его помнишь?

— Да.

— Тогда почему ни разу не сказал, что служил с ним?

Клэй посмотрел на фотографию. Он мог сослаться на секретность, на страх, на годы, которые пытался вычеркнуть из жизни. Но ни одно объяснение не сделало бы молчание менее жестоким.

— Я знал фамилию Вейл, — ответил он. — Но не знал, что ты его сестра, пока не увидел твою фотографию. А когда понял… решил, что сначала должен убедиться, что не ошибся. Потом нашлись причины ждать ещё. Я должен был спросить тебя раньше.

— Да, — сказала Мариса. — Должен был.

Она не повысила голоса. От этого Клэю стало хуже.

— Семь лет назад пришло уведомление, — продолжила она. — «Погиб при выполнении служебного задания». Без тела. Без места захоронения. Даже вещи не вернули. Только номер дела, который исчез из реестра через месяц. Я тогда думала, что это ошибка. Потом — что они что-то скрывают. Потом научилась жить так, будто ответ мне уже дали.

— В Неваде он отказался выполнять приказ Хейла, — сказал Клэй. — Не только я. Там были семьи рабочих. Нам велели зачистить объект после эвакуации персонала. Но эвакуации не было. Винсент первым сказал, что не станет стрелять по гражданским.

— И что сделал Хейл?

— Приказал ему замолчать. Потом вывел подразделение на позиции. Когда началась стрельба, я потерял связь с Винсентом. Последний раз видел его у ворот технического ангара. Он выводил людей через грузовой проход.

Мариса медленно вдохнула.

— Ты видел, как он погиб?

— Нет.

— Тогда больше не говори о нём в прошедшем времени.

Клэй кивнул. Это было не требование верить в чудо, а просьба оставить открытой дверь, которую кто-то другой давно заколотил досками.

Томас деликатно кашлянул.

— Простите, что вмешиваюсь в семейную драму, но у нашей железки появился пульс.

На экране бежали строки. Большая часть данных была зашифрована, но один видеоблок открывался без ключа. Томас запустил запись. Камера показывала ангар. По стенам шли полосы холодного света, под потолком висел ремонтный кран. Молодой Клэй стоял возле транспортной платформы, рядом с ним — Винсент и Роуэн. Звука сначала не было. Потом послышались голоса, приглушённые шумом вентиляции.

— Если они переведут архив в «Орион», — говорил Винсент, — мы больше не сможем проверить, кого туда отправляют.

— Ты не знаешь, что именно они переводят, — ответил Роуэн.

— Знаю достаточно. Там дети, Кросс. И люди, которых списали с реестра. Не грузы, не оборудование.

На записи Клэй сделал шаг к ним.

— Мы должны передать это командованию.

Винсент горько усмехнулся.

— А кто, по-твоему, подписал приказ?

Запись дрогнула. Кто-то прошёл перед камерой, и изображение на секунду пропало. Когда оно вернулось, Роуэн стоял спиной к объективу.

— У тебя нет доказательств, — произнёс он.

— Тогда помоги мне их получить, — ответил Винсент.

На этом видео оборвалось.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как потрескивает изоляция в лампе.

— Я этого разговора не помню, — сказал Клэй.

— Тебе могли стереть часть памяти, — осторожно предположил Томас.

— Или я просто не запомнил разговор перед тем, как нас отправили на бойню.

— Это тоже вариант. Причём неприятный своей простотой.

Мариса попросила повторить запись. Томас включил её ещё раз. Она смотрела не на Клэя, не на Роуэна, а на Винсента. Когда видео закончилось, Мариса задержала взгляд на чёрном экране.

— Он всегда так делал, — сказала она. — Находил то, чего остальные предпочитали не замечать. А потом удивлялся, почему ему никто не рад.

Томас нашёл второй раздел. Там находился короткий служебный список, словно кто-то нарочно оставил его доступным:

ГРУППА ПОЛЕВОГО НАБЛЮДЕНИЯ.

КЛЭЙ УОРД — АКТИВЕН.

ВИКТОР ХЕЙЛ — АКТИВЕН.

ВИНСЕНТ ВЕЙЛ — СТАТУС НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

РОУЭН КРОСС — АКТИВЕН.

НАЗНАЧЕНИЕ: КОНТРОЛЬ ПОЛЕВОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ.

— Последняя строка относится к Роуэну? — спросила Мариса.

— По структуре файла — да, — ответил Томас. — Он был назначен контролировать кого-то из группы. Скорее всего, Клэя.

Клэй вспомнил Кросса таким, каким знал его в армии: немногословным человеком, который всегда находился рядом в нужный момент. Роуэн подсказывал короткий маршрут, предупреждал о засадах, приносил сведения, которых не было в общей сети. Клэй считал это профессионализмом. Теперь каждая случайная помощь обретала другой смысл.

— Мы служили вместе почти два года, — сказал он. — Я думал, что знаю его.

— Удобно быть рядом с человеком, за которым приказали наблюдать, — заметила Мариса.

— Ещё удобнее, когда он тебе доверяет, — добавил Томас.

Клэй не ответил. Он смотрел на слово «АКТИВЕН» напротив своего имени. Оно означало не жизнь. Оно означало принадлежность к системе, из которой он, как ему казалось, вышел семь лет назад. В дверях появился Зик. Он прислонился плечом к косяку и оглядел лица.

— Судя по тишине, хороших новостей не нашли.

— Нашли Роуэна Кросса, — сказал Клэй.

Зик едва заметно напрягся. Этого хватило, чтобы Мариса подняла голову.

— Ты знаешь его?

— Имя слышал.

— От кого? — спросил Клэй.

— От людей, которые не любили произносить его вслух.

— Очень содержательно.

Зик вошёл, остановился за спиной Томаса и прочитал строки на экране.

— Контроль полевого наблюдателя, — повторил он. — Значит, Хейл не единственный, кто следил за тобой.

— Похоже, не единственный и среди тех, кого я считал друзьями.

Старик хотел что-то сказать, но передумал. В последние дни он слишком часто выбирал молчание. Клэй это заметил и запомнил. Снаружи раздался стук по жестяному козырьку. Все одновременно повернулись к окну. Через секунду в рации зашипел голос Итана:

— На восточной дороге движение. Один грузовик, без огней. Прошёл мимо, не замедляясь.

— Следи, — ответила Мариса. — Не выдавай позицию.

— Понял.

Клэй подошёл к окну. В пустыне было темно, но далеко на горизонте виднелось тусклое облако пыли. Грузовик мог принадлежать торговцам, беженцам или разведке «Гелиоса». Они больше не могли отличить одно от другого с первого взгляда.

— Сколько нам нужно времени? — спросил Клэй Томаса.

— Чтобы прочитать остальное — час. Чтобы убедиться, что оно не читает нас в ответ, — всю жизнь.

— У тебя двадцать минут.

— Я всегда мечтал о руководителе, который уважает творческий процесс.

Мариса вышла сменить Итана. Зик задержался в дверях.

— Клэй, — сказал он, — если увидишь в файлах что-нибудь о старых маршрутах через Неваду, сначала покажи мне.

— Почему?

— Потому что я знаю там дороги.

— Только дороги?

Зик посмотрел на него, и на мгновение Клэю показалось, что старик скажет правду. Вместо этого тот поправил ремень кобуры.

— Сейчас нам нужны все преимущества, какие остались.

Он ушёл. Томас проводил его взглядом.

— У нас две проблемы, — сказал механик. — Первая — нас хотят убить. Вторая — у меня закончился кофе. Но я начинаю подозревать, что есть третья.

— Какая?

— Люди, которые знают слишком много и называют это заботой.

Клэй уселся напротив терминала.

— Открывай следующий файл.

Оставшаяся часть архива сопротивлялась. Томас перебирал ключи, менял напряжение на контактах, дважды ругался на создателей шифра и один раз — на себя. Наконец на экране появилась звуковая дорожка без изображения. Файл был подписан только датой: за три дня до операции в Неваде.

— Может быть ловушка, — предупредил Томас.

— Включай.

Сначала прозвучало несколько секунд тишины. Потом — голос Роуэна Кросса, спокойный, почти будничный.

— Клэй, если ты слышишь это, значит, Винсент всё-таки нашёл способ передать тебе архив. Не ходи в «Орион». Там тебя ждут. И они знают, что ты придёшь.

Роуэн сделал паузу. На фоне послышался шум работающего лифта.

— Но самое главное — не доверяй человеку, который привёл тебя в эту историю.

Запись оборвалась.

Томас не пошевелился. Клэй прослушал сообщение ещё раз, затем ещё. Каждый раз последние слова звучали по-новому. Человеком, который привёл его в историю, мог быть Хейл. Мог быть Роуэн. Мог быть Винсент. Но первым, кто протянул Клэю руку после Невады, был Зик Кроу.

— Он говорит о Зике? — спросил Томас.

— Не знаю.

— Ты ему веришь?

— Я даже не знаю, зачем он оставил запись.

— Тогда у нас проблема сложнее обычной. Враг может говорить правду, друг — врать, а я по-прежнему отвечаю за кофеварку.

Клэй выключил воспроизведение. Он вспомнил, как семь лет назад очнулся в кузове старого грузовика. Над ним склонился Зик с флягой воды и сказал: «Не умирай. У меня нет

времени копать могилу». Тогда эта грубоватая фраза казалась началом новой жизни. Теперь Клэй впервые задумался, откуда старик узнал, где его искать. Мариса вернулась через десять минут. Томас включил для неё аудио. Она слушала, не моргая, а потом попросила оставить файл открытым.

— Он говорит «человек, который привёл тебя», — сказала она. — Не «человек, который тебя спас». Это может быть кто угодно. Но Зик явно что-то скрывает.

— Я спрошу его утром, — ответил Клэй.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас он стоит на дороге и прикрывает нас. Если я ошибаюсь, мне не нужен раскол посреди ночи.

— А если не ошибаешься?

— Тогда утром мы узнаем, насколько давно он нам лжёт.

Мариса взяла винтовку. Перед выходом она задержалась у двери.

— Винсент на записи живой, — сказала она. — Не статус. Не номер дела. Живой человек, который спорит, злится и пытается кого-то спасти. Я не хочу снова потерять его из-за того, что мы слишком долго будем ждать.

— Я понимаю.

— Нет, Клэй. Ты пока только начинаешь.

Она вышла, и он не стал её останавливать.

Ночью ветер усилился. Песок забивался в щели дверей, гудел в разбитых окнах и скользил по плитке коридора. Лея уснула рядом с Наоми, крепко держа рисунок. Мик иногда стонал во сне. Итан сменил пост, вернулся с крыши и молча поставил рядом с Томасом банку растворимого кофе, найденную в кладовой мотеля. Механик посмотрел на неё так, будто ему вручили государственную награду.

— Роу, — сказал он торжественно, — я беру обратно половину того, что говорил о тебе.

— А вторую половину?

— Надо же оставить себе запас на завтра.

Итан усмехнулся и пошёл спать. Томас вскрыл банку, понюхал содержимое и нахмурился.

— Пахнет старыми ботинками. Отличный урожай.

Клэй сидел у окна и наблюдал за тем, как Зик ходит вдоль дороги. Старик казался меньше на фоне огромной пустыни. Семь лет он был для Клэя чем-то вроде опоры, человеком, который мог ошибаться, но не предавать своих. Возможно, Роуэн пытался разрушить именно эту уверенность. Возможно, он просто назвал то, что Клэй слишком долго отказывался видеть.

Под утро Томас нашёл в архиве ещё один фрагмент. Не видео, не список, а короткую строку маршрута: «КОМПЛЕКС ОРИОН — ВНУТРЕННИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ». Координаты были удалены. Вместо них стояла пометка «ДОСТУП ПО ПОДТВЕРЖДЕНИЮ НАБЛЮДАТЕЛЯ».

— То есть дорогу нам не покажут, пока ты не согласишься участвовать в их игре, — сказал Томас.

— Значит, найдём другую дорогу.

— Это твой любимый ответ на любую проблему.

— А твой?

— «Не трогай, оно ещё работает». Правда, меня редко слушают.

Клэй поднялся. За окнами светлело. На востоке лежала пустыня, дальше — перевалы и закрытые объекты, которые корпорации вычеркнули с карт. Где-то там мог быть Винсент. Где-то там скрывалась правда о «Наследии». И, возможно, человек, который однажды спас Клэя, знал о ней гораздо больше, чем говорил. Он вышел во двор. Зик сидел на ступеньке у бывшей заправки и грел руки о кружку. Увидев Клэя, старик улыбнулся устало, почти по-отечески.

— Не спал?

— Нет.

— Я тоже. Старость — отвратительная вещь. Организм требует отдыха, а память устраивает собрание без приглашения.

Клэй остановился перед ним.

— Нам надо поговорить о Роуэне Кроссе.

Улыбка исчезла. Зик медленно поставил кружку на землю.

— Значит, дошли и до него.

— Ты знал, что это случится?

Старик долго смотрел на линию рассвета, словно там находился ответ, который он не хотел произносить.

— Я надеялся, — сказал он наконец, — что у нас будет больше времени.

Клэй почувствовал, как холод утреннего воздуха проходит сквозь куртку.

— Времени на что?

Зик поднял на него глаза.

— На то, чтобы ты успел решить, кому веришь, прежде чем узнаешь, почему верить нельзя никому.

За спиной Клэя хлопнула дверь мотеля. Мариса вышла во двор, увидела их лица и остановилась. Солнце только показалось из-за гор, но новый день уже начинался с того, чего никто из них больше не мог избежать.

Глава 8

Человек, которому верили

Утро застало их во дворе мотеля, среди бензиновых пятен, осколков стекла и выцветших указателей на города, которых больше не существовало. Мариса стояла у двери, не приближаясь. Клэй смотрел на Зика. Старик сидел на ступеньке, и в его ладонях остывал кофе.

— Начни с Роуэна, — сказал Клэй. — Не с того, что ты хотел мне рассказать. С того, что ты знал.

Зик провёл большим пальцем по краю кружки.

— Семь лет назад я получил сообщение. Без подписи. В нём были координаты, медицинские показатели и одна фраза: «Если опоздаешь, он умрёт».

— И ты поехал?

— Поехал. Я тогда возил медикаменты для независимых поселений. Иногда лекарства, иногда людей. Иногда вещи, о которых лучше не спрашивать, пока груз не выгружен.

— Это не ответ, почему ты поехал.

— Потому что там был человек, которого ещё можно было спасти. Когда-то мне хватало и такой причины.

Клэй присел напротив, чтобы смотреть старику прямо в лицо.

— А теперь?

— А теперь я знаю, что у каждой доброй причины бывает чей-нибудь расчёт.

Мариса спустилась по ступенькам. На поясе у неё висел пистолет, но руку она держала далеко от кобуры.

— Ты видел отправителя?

— Нет. Только текст. Потом сообщение исчезло с терминала. Я решил, что это работа военных: кто-то хотел избавиться от свидетеля, но не хотел пачкать руки.

— И ты ни разу не подумал, что тебя ведут? — спросил Клэй.

— Подумал. Когда нашёл тебя. А потом ты три дня не мог говорить и ещё неделю пытался встать с койки, чтобы уйти умирать в пустыню. В те дни мне было не до теорий.

Клэй помнил жар, запах спирта и незнакомый голос, который раз за разом приказывал ему пить воду. Он помнил, как впервые увидел чёрного ворона, нарисованного на двери фур-

гона. Эти воспоминания были настоящими. От этого сегодняшние слова Зика становились только тяжелее.

— Кто знал, где ты меня нашёл?

— Я, водитель старого водовоза и человек, который отправил координаты. Водовоз умер через два года. Я проверял.

— Значит, остаётся отправитель.

— Да.

Мариса скрестила руки.

— Вчера мы услышали голос Роуэна. Он сказал не доверять тому, кто привёл Клэя в эту историю. Тебе. Ты хочешь сказать, что это совпадение?

— Я хочу сказать, что он знает слишком много. И если он действительно прислал мне координаты, то с самого начала рассчитывал, что мы однажды окажемся здесь.

— Ты всё время говоришь «если», — заметила она. — А у тебя есть хоть что-то, в чём ты уверен?

Зик посмотрел на неё и вдруг стал заметно старше.

— В том, что я вытащил Клэя живым. И в том, что некоторые люди заплатили за это больше, чем он знает.

Мариса сделала шаг вперёд, но Клэй поднял ладонь.

— Последнюю часть мы ещё обсудим. При всех. Больше никаких разговоров, которые заканчиваются, когда кто-то входит в комнату.

Зик кивнул. Согласие далось ему труднее, чем Клэй ожидал.

В бывшей столовой мотеля Томас уже соорудил рабочее место из двух столов, дверцы от холодильника и ящика с инструментами. Накопитель, полученный после боя в карьере, лежал внутри металлической коробки, изолированной от внешних сигналов. Рядом стояла чашка кофе, в которой плавала маленькая гайка.

— Это у тебя новый способ охлаждения? — спросила Наоми.

— Нет, — ответил Томас. — Новый способ не дать Итану пить мой кофе.

— Я не пью твой кофе, — сказал Итан.

— Вот видишь. Работает.

Лея сидела у окна и перерисовывала вывеску давно закрытой закусочной. Мик спал на матрасе в соседней комнате. Остальные занялись водой, лошадьми и наблюдательными постами. Даже в ожидании неприятных новостей жизнь банды требовала обычных дел: заправить двигатель, проверить перевязки, отыскать пропавший гаечный ключ.

Клэй поставил на стол терминал.

— Покажи всё, что у тебя есть. Не только то, что считаешь безопасным.

Томас посмотрел на Зика, затем на Марису.

— Хорошо. Но предупреждаю: техника обожает разрушать семейные ужины. А эта особенно талантлива.

Он подключил накопитель через самодельный переходник. На экране появились повреждённые каталоги. Томас вручную обошёл проверку доступа и вывел изображение старого ангара. Съёмка была зернистой, с зелёными полосами по краям. Молодой Клэй стоял перед столом, на котором лежала схема объекта. Напротив него сидел человек в светлой форме, лицо которого скрывала тень.

— Запись из Невады? — спросила Мариса.

— По меткам времени — незадолго до операции, — ответил Томас.

На видео незнакомец говорил спокойно, почти скучающе:

— Нам нужны не идеальные солдаты, Уорд. Нам нужны люди, которые принимают самостоятельные решения, когда приказы перестают иметь смысл.

Молодой Клэй нахмурился.

— Тогда зачем вы отдаёте им приказы?

— Чтобы увидеть, кто способен их нарушить.

— И что происходит с теми, кто нарушает?

Человек в форме не ответил сразу. Камера поймала движение его пальцев: он выключил один из индикаторов на столе.

— Это зависит от причины.

Запись оборвалась.

В комнате стало слышно, как за стеной дребезжит незакреплённая ставня. Клэй смотрел на чёрный экран. Он не помнил этого разговора. Помнил ангар, запах авиационного топлива, усталость после учений. Но слова будто были вырезаны из его жизни и вставлены обратно чужими руками.

— Ты знал, что тебя проверяют? — тихо спросила Наоми.

— Нет. Я думал, нас готовят к операции. В подразделении всегда находились люди, которые задавали странные вопросы. Я считал это обычной проверкой лояльности.

— Это и была проверка, — сказала Наоми. — Только они измеряли не лояльность.

Томас открыл следующий файл. На экране появилась эмблема: тонкий круг, разорванный тремя короткими линиями.

Мариса резко наклонилась вперёд.

— Стой. Увеличь.

— Что?

— Знак на воротнике Винсента. На последней фотографии перед его исчезновением был такой же.

Она достала снимок из внутреннего кармана. Бумага давно выцвела, но на форме молодого мужчины действительно виднелась похожая эмблема. Томас поставил изображения рядом.

— «Контур», — прочитал он из подписи к файлу. — Независимая программа поведенческих моделей. Передана под управление «Гелиоса» за восемь месяцев до операции в Неваде.

— Винсент говорил, что занимается эвакуационными маршрутами, — сказала Мариса. — Он писал редко. В последнем сообщении попросил не верить официальным сводкам, если с ним что-нибудь случится. Я решила, что он просто боится погибнуть.

Клэй вспомнил Винсента: тот всегда проверял, кто стоит за спиной собеседника, и никогда не садился спиной к двери. Тогда это казалось привычкой опытного солдата. Теперь — привычкой человека, которому было чего опасаться.

— Он не хотел, чтобы ты искала его, — сказал Клэй.

Мариса повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Предполагаю. Если он видел, что происходит внутри проекта, мог пытаться отвести опасность от тебя.

— Не придумывай за него оправданий. И за Зика тоже.

Она убрала фотографию. Клэй не стал спорить.

Томас продолжил поиск. В архиве обнаружился реестр перемещений сотрудников. Большинство строк были пустыми или помеченными как уничтоженные. Одна сохранилась целиком: «ВЕЙЛ, ВИНСЕНТ. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ: КОМПЛЕКС ОРИОН. 17.04.2089». Ниже значился статус: «ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРИБЫТИЯ ОТСУТСТВУЕТ».

— Дата не совпадает с его исчезновением, — сказала Мариса. — Его объявили погибшим раньше.

— Значит, бумаги о смерти и реальное перемещение жили разными жизнями, — ответил Томас. — В этом мире даже покойникам не дают выходных.

— Это доказывает, что он был жив после официальной смерти, — сказала Наоми. — Но не доказывает, что жив сейчас.

Мариса медленно выдохнула. Она явно хотела возразить, однако только кивнула. В её лице появилось выражение, которого Клэй боялся больше слёз: надежда, которой человек запрещает себе верить.

— Зик, — произнесла она, не оборачиваясь. — Ты ведь слышал название «Орион» раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.